

БОРИС НИКОЛЬСКИЙ

МУЖСКОЕ ВОСПИТАНИЕ



БОРИС НИКОЛЬСКИЙ

МУЖСКОЕ ВОСПИТАНИЕ



ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“ ЛЕНИНГРАД 1970

Герои этой книжки — ребята, сыновья командиров Советской Армии. Вместе со своими родителями они живут в военных гарнизонах. Здесь, на глазах у мальчишек, происходит немало интересного: то стрельбы, то танковые учения, то парашютные прыжки... Но главное — у своих отцов, у своих старших товарищей ребята учатся настоящему мужеству, честности, стойкости.

Рисунки А. Сколозубова



Scan AAW



МУЖСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

П о в е с т ь

1

Лица солдата Димка не видел.

Но уже в тот момент, когда только возникла в бинокле эта бегущая фигура, когда рядом с Димкой кто-то прокричал: «Прекратите огонь! На стрельбище люди!» — Димка уже знал: это Лебедев.

Понадобилось еще некоторое время, чтобы команда дошла до огневого рубежа, автоматы продолжали стрелять, и за эти несколько секунд солдат там, на склоне холма, добежал до двух маленьких фигурок, толкнул их на землю и сам упал рядом с ними...

Димка оторвал глаза от бинокля.

Он увидел отца, который бежал к вышке, увидел молоденького лейтенанта, командира взвода, который бежал от вышки, услышал, как последний раз коротко стукнула и оборвалась автоматная очередь.

Солдаты, которые еще минуту назад спокойно сидели в тени вышки, вскочили и взволнованно переговаривались между собой.

Все смотрели в ту сторону, где кончалось стрельбище, где в траве, не поднимая головы, лежал Лебедев. . .

2

Лебедев был первым солдатом, с которым познакомился Димка.

Два месяца назад Димка с матерью приехали сюда, к отцу, и поселились в трехэтажном кирпичном доме на самом краю военного городка. Этот дом сразу понравился Димке, потому что не имел обычного городского адреса, а назывался ДОС № 3, что в переводе на нормальный язык означало «дом офицерского состава». Прямо возле дома были вкопаны турник и брусья — пожалуйста, подходи, занимайся, укрепляй свои мускулы, а сразу за забором начинался лес.

Утром, когда Димка завтракал, вдруг где-то совсем рядом заиграл оркестр и тут же затих, а кто-то хором прокричал: «Ра-ра-ра!» Оказывается, это солдаты здоровались с командиром полка.

В тот же день Димка обегал весь военный городок и очень быстро успел убедиться, что всюду, где поинтереснее, стоят часовые. Чуть только подойдешь поближе, сразу: «Принять правее! Принять левее!» Суровая серьезность часовых понравилась Димке. А может быть, просто у него было такое настроение, что все ему нравилось. Радовался оттого, что опять они будут жить вместе с папой.

Заглянул Димка и в казарму. Обычно, когда мама сердилась, она говорила: «Не топай, здесь тебе не казарма...» — это Димке. Или: «Привык у себя в казарме...» — это отцу. «Не превращайте дом в казарму...» — это отцу и Димке, обоим. Хуже, ругательнее слова, чем «казарма», у нее, пожалуй, и не было.

А казарма оказалась чистой, светлой и просторной. В казарме никого не было, только возле тумбочки с телефоном стоял солдат с красной повязкой — дневальный. Он спросил Димку:

— Вы к кому?

Димка смутился и ничего не ответил. Если бы он пришел с отцом, тогда бы дневальный вытянулся и отдал честь. Или бы даже крикнул: «Рота, смирно!» А так, конечно, откуда ему знать, что Димка — сын капитана Толмазова.

Из казармы Димка пошел домой.

Он шел по тропинке вдоль забора и очень удивился, когда кто-то его позвал:

— Мальчик, а мальчик!

Он даже не сразу понял, откуда прозвучал этот голос, и только потом увидел: одна доска в заборе была отодвинута. Сквозь широкую щель на Димку смотрела круглолицая, курносая девушка. Она улыбалась Димке, как хорошо знакомому. Наверно, спутала его с кем-нибудь другим.

— Мальчик, ты Лебедева знаешь?

— Какого Лебедева?

— Ну, солдат такой. Лебедев.

Димка пожал плечами. Почему это он должен был знать какого-то Лебедева?

— Неужели не знаешь? Лебедева здесь все знают.

Она разговаривала с ним так, словно это он, а не она, находился по ту сторону забора.

Димка рассердился и ничего не ответил.

«Зачем ей этот Лебедев? — думал он. — И почему его все знают?»

Очень скоро Димка убедился, что девушка была права.

После обеда он отправился в бассейн — там солдаты учились плавать прямо в гимнастерках и галифе, в сапогах и с автоматами. Это было нелегкое дело. Димка видел, как тяжело дышали солдаты, выбираясь на берег. А некоторые доплывали только до середины и хватались за веревку, натянутую над водой.

Потом один солдат утопил сапог, и тогда все остальные принялись по очереди нырять за ним. А два солдата забрались на вышку и оттуда сверху высматривали сапог.

Рядом с Димкой остановился белобрысый парнишка с облупившимся носом.

— А Лебедев вчера с самой верхотуры прыгнул, — сказал он. — Оттуда никому не разрешают прыгать.

— А Лебедеву разрешили? — спросил Димка.

— Не, — сказал парнишка и, немного подумав, добавил: — Его теперь на губу посадят.

Димка прищурился и прикинул на глаз расстояние до верхнего трамплина вышки. Метров семь... Или десять? Высоко...

Сам он никогда не нырял с вышки. Не потому, что боялся. А просто не приходилось.

Димка хотел поподробнее расспросить белобрысого о Лебедеве, но мальчишка уже подбирался к воде, пользуясь тем, что солдат — дежурный по бассейну — вместе со всеми занялся охотой за утонувшим сапогом.

И еще раз в этот день услышал Димка о Лебедеве.

Вечером он играл с отцом в шахматы, когда вдруг раздался телефонный звонок. Отец поднял трубку — он еще не успел поднести ее к уху, а в трубке кто-то уже заговорил, и так быстро и возмущенно, что задрезжала мембрана.

Отец сначала терпеливо слушал, а потом сказал:

— Да, да, я все это знаю. Старшина назначил Лебедева в наряд, потому что подошла его очередь. И заменять его мы не будем. Пожалуйста, пусть тренируется сколько угодно в свободное время. И не повышайте голос, Сергей Николаевич, а то мне после разговора с вами придется вызывать телефонного мастера... Что? Пожалуйста. Хоть командиру дивизии.

— Папа, кто это Лебедев? — спросил Димка.

— Солдат в моей роте, — ответил отец. — Так чей сейчас ход?

Но Димку сейчас меньше всего занимали шахматы. Кто же такой этот солдат, которым интересуются девушки, восторгаются мальчишки и из-за которого спорят между собой командиры? Кто он такой?

Димка был уверен, что узнает теперь Лебедева сразу — стоит им только встретиться. Как можно не узнать человека, о котором столько говорят. А встретить его Димка, конечно, встретит — не очень-то много разных дорог в военном городке: от казармы к столовой, от столовой к учебному корпусу, от учебного кор-

пуса к клубу. И опять к казарме. Наверняка где-нибудь попадетсЯ Лебедев навстречу Димке.

И правда, вскоре они столкнулись. Только случилось это не совсем так, как предполагал Димка.

Прошлым летом, когда они еще жили у бабушки, Димка ходил в городской пионерский лагерь. Конечно, лагерь этот только назывался лагерем, а на самом деле не было в нем ничего лагерного — ни палаток, ни костров, ни линеек. Просто ребята собирались утром возле школы, завтракали в школьной столовой, а потом отправлялись или в кино, на детский утренник, или в зоопарк, или в какой-нибудь музей. Они всегда торопились, потому что за день чаще всего надо было попасть и в кино, и в музей, и на спорт-площадку. У них были очень насыщенные дни. Это их пионервожатая Аэлита Сергеевна так говорила: «Ребята, у нас опять очень насыщенный день». Пребывание в лагере быстро забылось, но это выражение так и застряло в памяти.

И вот теперь у Димки опять были насыщенные дни. Он боялся пропустить что-нибудь интересное. Как строится полк на утренний развод, как сменяются часовые, как маршируют роты строевым шагом — все надо было успеть посмотреть.

В этот день Димка опоздал — прибежал к парашютной вышке, а занятия уже кончаются. Только два прыжка и застал. Надо было сразу с утра сюда мчаться, а он проторчал на полосе препятствий, не знал, что солдаты здесь прыгают.

И теперь лейтенант построил свой взвод и — шагом марш мимо Димки. Оставил только одного солдата — навести порядок у вышки: подмести, разровнять площадку. Солдат был невысокий, с ежиком на голове, с лицом, густо усыпанным веснушками.

Он посмотрел на Димку и сказал:

— Ну что, небось прыгнуть хочешь?

— Хочу, — сказал Димка.

В Центральном парке, в городе, где они жили раньше, тоже была парашютная вышка, похожая на эту. Димка всегда приставал к маме — упрашивал, чтобы она разрешила ему прыгнуть. А мама не разрешала. «Хватит с меня, что твой отец прыгает», — говорила она.

— А не испугаешься?

Димка мотнул головой:

— Не испугаюсь.

— Ну, тогда полезли.

— Правда? — удивился Димка. Он был уверен, что солдат шутит. Взрослые почему-то очень любят так шутить.

— Кто тебя учил не доверять людям? — строго спросил солдат. — Школа? Пионерская организация? Или, может быть, этому тебя учили родители?

Димка нерешительно засмеялся. Он не знал, как вести себя с этим солдатом. А солдат тем временем уверенно, по-хозяйски, словно он и был здесь главным начальником, направился к вышке и полез вверх по лестнице.

И Димка полез вслед за ним.

На боку у солдата болтался противогаз. На деревянной бирке, пришитой к противогазной сумке, Димка увидел надпись. «Рядовой Лебедев», — было выведено чернильным карандашом.

«Вот это да!» — подумал Димка. И как это он сразу не догадался!

— Ах, я знаю: вы — Лебедев, — сказал он.

— Нет, я Курицын, — сказал солдат. — А откуда ты узнал?

Димка показал подбородком на деревянную бирку.

— Ого! У тебя задатки Шерлока Холмса, — сказал Лебедев. — С тобой опасно иметь дело.

Наверху, на вышке, дул ветер. Димка поежился. Он почувствовал, как уверенность покидает его. Снизу вышка не казалась такой высокой.

— Ну как? Еще не раздумал? — спросил Лебедев.

Может быть, он нарочно заманил сюда Димку — для забавы? Чтобы посмеяться над ним?

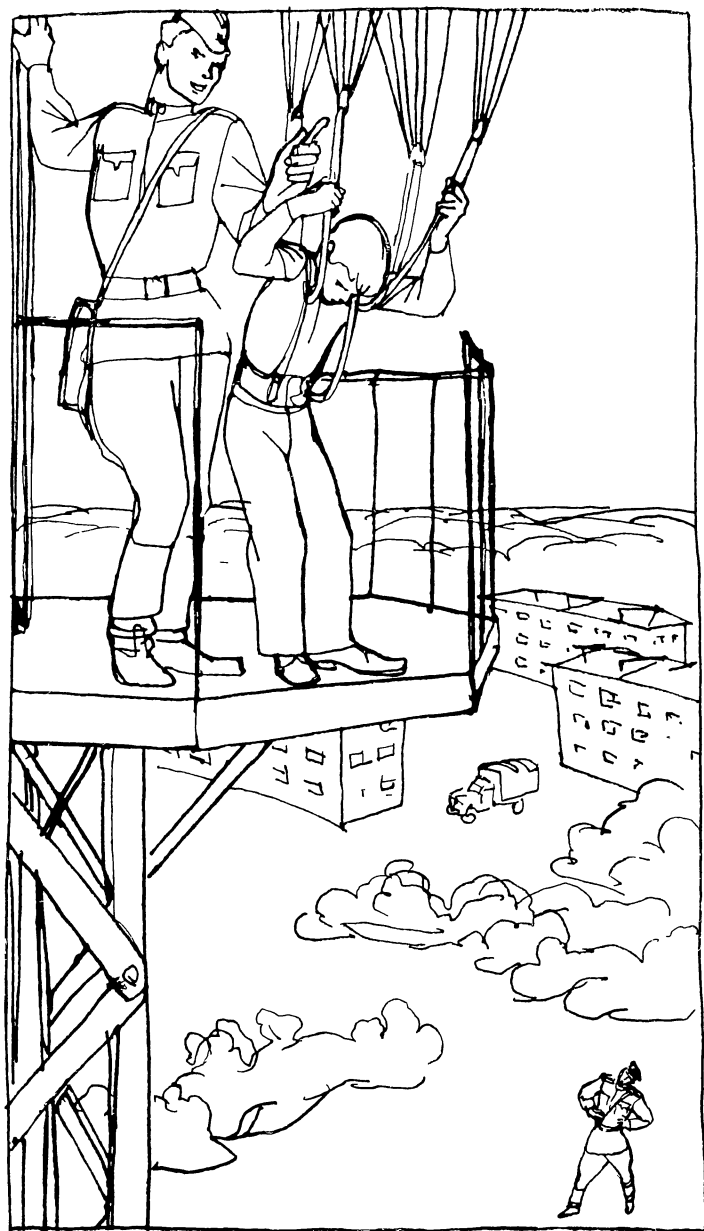
— Нет, — сказал Димка. — Не раздумал.

Лебедев быстро и ловко опутал Димку ремнями.

— Готово, — сказал он.

Димка подошел к краю и взглянул вниз. У него сразу ослабли ноги. Казалось, еще секунда — и он свалится. Ему захотелось лечь и крепко-накрепко прижаться к доскам. Он шагнул назад.

Здесь, на вышке, был другой человек, а совсем не тот Димка, который только что лез по лестнице. И по-



ступал он совсем не так, как собирался поступить Димка. И даже голос у него был другой, не Димкин.

Снизу, когда он смотрел, как прыгают солдаты, все казалось совсем просто. Залез, пристегнул парашют, прыгнул. Он даже не думал, что это так страшно.

— Когда будешь приземляться, — сказал Лебедев, — не забудь плотнее сжать ноги.

«Приземляться!» Димка уже знал, что ни за что не решится прыгнуть. И в то же время он готов был скорее просидеть здесь до завтра, чем на глазах у Лебедева, на глазах у маленьких пацанят, торчавших там, внизу — откуда они только взялись? — спуститься по лестнице назад.

Димка не смотрел на Лебедева. Он делал вид, что поправляет лямки. Если бы очутиться опять там, внизу! И зачем только он полез на эту вышку?

Сегодня же о его позоре узнает весь гарнизон.

Теперь он мог надеяться только на чудо.

И чудо случилось.

Димка поднял глаза и далеко внизу, на асфальтированной дорожке, среди кустов, увидел отца. Отец стремительно шел, почти бежал к вышке.

— Влип! — сказал Лебедев. — Этого мне только не хватало!

Он повертел головой, словно прикидывая, куда бы скрыться. Но куда скроешься на вышке?

А Димка сразу повеселел. Он не думал сейчас о том, что отец наверняка рассердится, может быть, даже влепит подзатыльник тут же, при Лебедеве. Пусть! Зато никто не узнает, что Димка струсил.

А что, еще неизвестно — может быть, он бы и прыгнул, если бы не отец. Вот постоял бы, постоял и прыгнул...

Отец остановился и запрокинул голову. Пацанята сразу окружили его.

— Ну что ж, прыгай! — крикнул отец. — Раз залез, так прыгай!

«Он шутит! Лебедев, он же шутит!»

Но Лебедев уже подталкивал Димку к краю и твердил в самое ухо:

— Прыгай! Прыгай!

Потом Димка уже не мог вспомнить — сам он сделал последний шаг или толкнул его Лебедев, только

он вдруг полетел вниз, в темноту. Дыхание зашлось у него, как заходится, когда ухнешь неожиданно в холодную воду. Тут же его дернуло, движение замедлилось, и тогда Димка сообразил, что темно вокруг оттого, что летит он с зажмуренными глазами. Он открыл глаза. Земля плавно и очень медленно, чуть наискосок, надвигалась на него, а сам он покачивался под белым куполом.

Как легко, как отчаянно весело вдруг сделалось Димке! Даже сердитое лицо отца, которое все приближалось, нисколько не пугало его.

Он прыгнул! Прыгнул!

На земле отец молча помог Димке отстегнуть парашют, помог отряхнуть пыль с брюк. А Димка был не в силах удержаться — губы его так и растягивались в улыбке.

— Пошли, — сказал отец и жестко взял Димку за руку. Потом повернулся к Лебедеву, который уже успел спуститься с вышки.

— С вами, Лебедев, я поговорю после. Вы у меня посамовольничаете. — Он сказал это раздельно и тихо. Такая у него была манера. Когда Димкин отец сердился, он не кричал. Он начинал говорить совсем тихо. Это было неожиданно и пугало.

— Я вижу, вы все добиваетесь, чтобы я вас наказал. Можете считать, что вы этого уже добились.

Лебедев выслушал слова отца покорно, понурившись, но когда тот отвернулся, неожиданно весело подмигнул Димке. То ли он думал, что отец лишь пригрозит да забудет, то ли уже привык к наказаниям. И Димка тоже подмигнул ему в ответ.

Они пошли к дому. Отец молчал, и Димка знал, что это не предвещает ничего хорошего, но все равно радость распирала его. Встречные солдаты с интересом посматривали на Димку. Может быть, они видели, как Димка прыгнул с вышки. Солдаты чуть замедляли шаг и четко вскидывали руку к пилотке. Наверно, им нравилось отдавать честь Димкиному отцу. Нравилось, что у них такой командир. И еще, наверно, нравилось, что у их командира такой сын.

Димка чувствовал, как рука, которая сжимала его запястье, то слабела, становилась мягче, то вдруг снова твердела. Видимо, отец то отходил, переставал сердиться или просто отвлекался, начинал думать о чем-то другом, «отключался», как говорила в таких случаях мама, то вдруг спохватывался: снова вспоминал о Димке, о Лебедеве, о парашютной вышке.

Он все молчал, и Димка тоже не решался заговорить первым.

Димка давно не видел отца таким сердитым. Он даже не знал толком, каким бывает отец, когда сильно рассердится. Вот мама, когда сердится, она кричит сначала, потом плачет и жалуется, что зря потратила на Димку всю свою молодость. Бабушка — та не плачет, бабушка, когда сердится, рассказывает поучительные случаи из своей жизни и ставит себя в пример. И еще бабушка всегда повторяет, что Димке не хватает мужского воспитания.

Теперь, шагая рядом с отцом, Димка с интересом ждал, когда же начнется это мужское воспитание. Ему совсем не было страшно, ему было только любопытно.

Однажды в школе, где учился Димка, задали на дом написать сочинение о родителях. Даже обещали, что лучшее сочинение будет напечатано в «Пионерской правде». Димка решил писать об отце. Он всегда гордился тем, что его отец — десантник. Разные отцы были у ребят из их класса. Были врачи, инженеры, шоферы. Был даже один артист кукольного театра. А вот десантников больше не было. И поэтому мальчишки завидовали Димке.

На первой странице он вывел крупными буквами: «МОЙ ОТЕЦ». Потом подумал и написал: «Мой отец — офицер. Он командует солдатами. Солдаты любят своего командира».

Он поставил точку и задумался. Он не знал, что писать дальше.

Давно, когда Димка был совсем маленьким, они жили вместе с отцом в далеком гарнизоне, в Забайкалье. Почему-то Димке запомнилось: солдаты возле казармы набивают матрасы соломой. Матрасы полу-

чаются круглые, неуклюжие, словно огромные колбасы. Солдаты плашмя падают на них, подпрыгивают и хохочут. И Димка тоже прыгает на колючем матрасе и хохочет. Но разве об этом напишешь в сочинении?

Потом отца послали служить на юг, в пустыню, а Димка с мамой поехали к бабушке. Мама училась тогда в заочном институте, сдавала экзамены, а Димке скоро пора было в школу.

Отец приезжал в отпуск. Он был загорелый и обветренный. Димке нравилось, что отец служит в суровых, пустынных краях. И не нравилось, когда отец переодевался в гражданский костюм. Будь Димка военным, он бы никогда не стал снимать форму. О своей службе отец почти не рассказывал, говорил только: «Песку много. Заносит. А так все в порядке. Нормально».

Димка в задумчивости покусывал ручку, стараясь вспомнить что-нибудь такое, о чем бы стоило написать. Потом написал:

«Мой отец смелый. Он не раз прыгал с парашютом».

Вот тут хорошо было бы рассказать о каком-нибудь особенном случае — бывают такие случаи, Димка сам читал. Вдруг парашют не раскроется и солдат спасает своего командира — подхватывает на лету, и они вдвоем приземляются на одном парашюте. Но с его отцом никогда не происходило ничего подобного. Да если бы и произошло, он бы, наверно, ни за что не рассказал — чтобы мама не волновалась.

Когда Димка садился за сочинение, ему казалось — целую тетрадь испишет. А теперь ничего не получалось. Димка вздохнул.

— Ну-ка, покажи, что ты пишешь, — сказала бабушка.

Димка покраснел и прикрыл страницу рукой.

Бабушка рассердилась:

— Скрытный, весь в мать...

Удивительно — Димка давно уже замечал, что бабушка больше любит его отца, чем маму, хотя мама ее родная дочь. Бабушка считала, что мама обязательно должна была поехать к отцу в пустыню. Вообще Димкина бабушка не похожа на других ба-

бушек: она ходит на лыжах, играет в шахматы и любит петь арию Кончака из оперы композитора Бородина «Князь Игорь». Вернее, не всю арию, а только одну фразу: «Что ты, князь, призадумался?..» И еще она пишет воспоминания.

Димка подождал, пока бабушка отошла, и вывел: «Раньше мой отец служил на юге. Там было очень жарко и много песка. А теперь папу перевели. И скоро мы поедem к нему».

Сочинение получилось очень коротким, но все равно учительница поставила за него четверку. А в «Пионерской правде» его, конечно, не напечатали.

...Отец совсем отпустил Димкину руку. А потом вдруг снова сжал — да так, что Димка ойкнул.

— Вот что, Дмитрий, — сказал отец, — сегодня из-за тебя получают взыскания два человека — Лебедев и командир взвода. Тебе это нравится?

— Не нравится, — сказал Димка.

— Вот видишь — не нравится... — сказал отец и спросил неожиданно: — А страшно было на вышке? Небось коленки дрожали? — Он засмеялся. — Для меня, например, хуже не было — прыгать с этой вышки. Лучше с самолета.

— Сначала страшно было. Еще как! — возбужденно заговорил Димка и тут же вспомнил о Лебедеве. Ему показалось, что сейчас самое время попросить за Лебедева.

— Пап, он же не виноват...

— Я сам разберусь, кто виноват, а кто нет, — сказал отец жестко.

Навстречу им бежал солдат с красной повязкой.

— Товарищ капитан, вас в штаб вызывают! Срочно!

— Хорошо. Иду. А ты, Дмитрий, ступай домой и скажи матери, чтобы сегодня тебя никуда не выпускала. Понял?

— Понял, — сказал Димка.

Так и закончилось в этот день мужское воспитание. Димка побежал домой. И по-прежнему было ему легко и радостно.

Возле казармы солдаты играли в волейбол. Несколько человек старательно чистили сапоги — готовились идти в увольнение. Остальные сидели в курилке.

Димка поискал среди них Лебедева, но его нигде не было.

— Что? Друга потерял? — спрашивали солдаты. Они уже знали Димку. И как он прыгнул с парашютной вышки, тоже знали.

— А друг твой летает. На ШВТ.

— Как летает? — поразился Димка.

— Не знаешь, как летают? Пойди в казарму — погляди. Заодно и поможешь другу.

В казарме Лебедев и еще двое солдат, раздетые по пояс, мыли пол. Лебедев увидел Димку, обрадовался, помахал ему мокрой рукой.

— Лебедев, а что это — ШВТ? — спросил Димка.

— Очень просто, — засмеялся Лебедев. — Швабра. Ведро. Тряпка.

— А-а... — разочарованно протянул Димка. — Это за меня вас наказали?

— Не, — сказал Лебедев. — Это за дружеский шарж.

— За шарж?

— Ну да. Слушай, как получилось... — Лебедев хлюпал по полу тряпкой и рассказывал: — Понимаешь, пришла мне блестящая идея: нарисовать дружеский шарж на нашего старшину. Видал, как в газетах, в журналах иной раз писателей, артистов изображают — обхохочешься! Шею, к примеру, нарисуют длиннющую, а головку маленькую. Или авторучку вместо носа, и чернила капаят. А одного — я сам видел — даже голого нарисовали, с фиговым листком, как статую. Умрешь со смеху! А наш старшина чем хуже? Нарисую, думаю, его в стенгазете, сделаю человеку приятное. Редактор мою идею одобрил. «Это хорошо, — говорит, — газета живее будет». Вот и стал я вчера вечером рисовать. «Ну, — думаю, — товарищ старшина, вот когда все ваши наряды вне очереди припомню! Наряд за опоздание в строй был? Был. Левое ухо подлиннее сделаем. Наряд за грязный подворотничок был? Был. Правое ухо вытянем. Неувольнение

за разговоры в строю было? Было. Получай отвисшую челюсть». Рисовал и сам смеялся — так здорово получалось, честное слово! Даже не заметил, как старшина подошел. У него привычка такая — неслышно подходить. «Это что же, — спрашивает, — такое?» — «Дружеский шарж, товарищ старшина», — отвечаю. «Шарж? Дружеский?» — «Так точно, товарищ старшина. Дружеский». — «Ну что ж, товарищ Лебедев, — говорит, — за ваш дружеский шарж я вам по-дружески объявляю наряд вне очереди...» Так я и погорел. И главное, обидно: рисунок старшина конфисковал... Но ничего, — бодро сказал Лебедев, — зато теперь я думаю: наверно, и писателям, и артистам совсем не смешно, когда их безобразными рисуют. Только терпеть приходится. Потому что у них нет такой власти, как у нашего старшины.

Лебедев домыл пол, бросил у порога тряпку.

— Сойдет? — спросил он сам себя. И сам себе ответил: — Сойдет с горчичкой. Ребята, вы тут уберегите и доложите старшине. Лады? А я побежал на тренировку.

Он обнял Димку за плечи мокрой рукой и сказал:

— Ты, брат, завтра приходи на полигон. Завтра обкатка танками будет. Любопытно! Обязательно приходи!

Снова Лебедев приглашал Димку так, словно он, а не Димкин отец распоряжался и командовал здесь.

А вот отец даже не сказал ничего про эту самую обкатку. Всегда он так. Что такое обкатка, Димка не знал, но спрашивать у Лебедева постеснялся. Все равно — раз танками, значит, интересно.

И в понедельник он увязался за отцом на полигон.

Танк оказался только один. Он мирно стоял в стороне, и возле него возились танкисты в перепачканных комбинезонах. Один лежал под танком и что-то подвинчивал гаечным ключом, а другой протирал стекла смотровых приборов.

Наверно, это был очень старый, немало потрудившийся танк. Он выглядел скорее серым, чем зеленым, — казалось, пыль нелегких дорог въелась в него прочно и навсегда.

Пока Димка рассматривал танк и танкистов, отец

уже построил роту и что-то объяснял солдатам. Когда Димка подошел поближе, он услышал:

— Таким образом, товарищи, для хорошо подготовленного бойца танк не так уж страшен, как это может показаться с первого взгляда. Нужно только перебороть в себе страх перед танком. И если вам не удалось поразить танк сразу, тогда что нужно сделать, рядовой Булкин?

— Надо лечь на дно окопа, пропустить танк над собой и затем поразить гранатой его моторную часть, — сказал Булкин.

— Совершенно верно. И здесь, товарищи, главную роль играют выдержка, хладнокровие и спокойствие. Вот для того, чтобы в бою у вас не было страха перед танками, мы и проводим сегодняшнее занятие. А как все это делается на практике, вы сейчас посмотрите.

Димкин отец подал сигнал танкистам — заводи! В ту же минуту танк заревел, загрохотал, выбрасывая клубы синеватого дыма.

Отец спрыгнул в окоп. Теперь Димке была видна только его фуражка.

Танк дернулся, гусеницы его шевельнулись, он двинулся вперед, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Пыль завихрилась вокруг него.

Сколько раз Димка видел такое в кино! Немецкий танк — и наши бойцы в окопе. Танк надвигается, увеличивается, разрастается во весь экран.

Вот до окопа осталось пятнадцать метров, десять... пять...

Вот танк подмял под себя бруствер, посыпался вниз песок.

Танк взревел, задрал нос, на секунду показалось его темное днище. Обрушился на окоп.

Димка ухватился за чей-то рукав.

А танк уже прошел через окоп и остановился, затих. Возле него медленно оседала пыль. И земля тонкими струйками все еще стекала в окоп.

Отряхиваясь, отец вылез наверх. Снял фуражку, похлопал ею о колено.

— Ну, вот видите, ничего страшного со мной не случилось. Теперь вы все сделаете то же самое.

— Товарищ капитан! — выкрикнул Лебедев. — Можно я первый?

— Когда вы, Лебедев, наконец, научитесь правильно обращаться к командиру? — строго сказал Димкин отец. — И потом, почему у вас противогаз расстегнут? Опять пуговицы нет?

— Товарищ капитан...

— Прекратите разговоры. И если еще раз я увижу...

«И что он придирается? — думал Димка. — Подумаешь — пуговица! Как будто на войне будут смотреть, у кого есть пуговица, а у кого нет!»

Димке даже стыдно стало за отца. Неужели он сам не понимает? Только все настроение сбил!

...Снова загрохотал танк, снова пополз на окоп, скрежеща гусеницами. Опять пятнадцать метров до бруствера, десять...

И вдруг в последний момент высунулся солдат из окопа. Видно, не выдержал ожидания, испугался, хотел выскочить.

— Назад! — яростно крикнул отец и махнул рукой. — Ложись!

Его голос потонул в грохоте. Солдат юркнул вниз.

Димка хотел засмеяться, но вспомнил вдруг парашютную вышку и не стал смеяться. Вспомнил, как действовал за него на вышке вроде бы совсем другой человек. Так и здесь, наверно. Со стороны посмотреть — ничего страшного. Ложись и лежи себе на дне окопа. А как заберешься сам — еще неизвестно, что почувствуешь.

Зато солдаты вовсю потешались над своим товарищем:

— Проверь, Горохов, штаны-то у тебя сухие?

— Голову, голову потрогай — цела ли?

— Да ну вас, — сердито оправдывался Горохов, — я только посмотреть хотел, где танк...

К концу занятий от грохота у Димки уже звенело в ушах. Во рту пересохло, хотелось пить, и даже волосы стали жесткими от пыли. Но все-таки он ни за что бы не согласился отправиться домой. Да отец и не беспокоился о нем — раз явился сюда, так уж терпи вместе со всеми.

Наступил перекур. Солдаты — кто сел на траву, кто лег — отдыхают. А Лебедев рассказывает:

— Вот в прошлом году на учениях был у нас слу-

чай. Мы с дружкой моим, Серегой Башмаковым, профилонили, окопаться как следует не успели, а тут команда: «Танки слева!» Что делать? От танка за кустиком не спрячешься. А танк жмет прямо на нас. Рядом сосна росла — высоченная. Мы с Серегой на сосну. А как стал танк мимо проходить, мы на него — раз! И смотровые щели плащ-палаткой закрыли. Танк и ослеп. Покрутился, покрутился на месте, и все. Что ему делать? Вылезайте, голубчики, приехали. Командир полка нам благодарность объявил — за находчивость.

— Ох, и мастер ты заливать, Лебедев, — сказал Булкин.

— Это почему? — обиделся Лебедев, и веснушки на его лице сразу потемнели. Вообще у него были удивительные веснушки — они могли становиться гуще и реже, могли становиться темнее или бледнеть, могли и почти вовсе исчезать. Казалось, сам Лебедев, как фокусник, управлял ими.

— Спроси у кого хочешь, был такой случай...

Лебедев все больше нравился Димке. С таким не соскучишься. Был бы у Димки такой старший брат — вот было бы здорово! На гитаре сыграть — пожалуйста, смешную историю рассказать — пожалуйста, в воротах вратарем постоять — сколько угодно. Все может Лебедев.

Димка и сам не заметил, как все чаще стал повторять: «Лебедев сказал...», «Лебедев говорит...», «Пап, а Лебедев сказал — скоро тревога будет...», «Пап, а Лебедев говорит, на ученьях пушки на парашютах бросают...», «Пап, а Лебедев...»

— Меня уже что-то начинает пугать этот Лебедев, — сказала мама. — Что он хоть из себя представляет?

Димка весь напрягся — ждал, что ответит отец. Отец пожал плечами.

— Димка уже достаточно взрослый, — сказал он, — чтобы самостоятельно выбирать себе друзей.

Все-таки Димка никак не мог понять отца: иногда хмурится, молчит, к нему и подступиться страшно, а иногда такое скажет, что прыгать от радости хочется. Вот как сейчас.

Однажды отец сказал:

— Завтра у твоего друга, между прочим, день рождения.

— У кого? — на всякий случай спросил Димка.

— У Лебедева. У кого же еще.

— И праздновать будут? — осведомился Димка.

— Ну, праздновать, не праздновать, а поздравят. Боевой листок в его честь выпустят.

— А тебя тоже поздравляли, когда ты был солдатом? — спросил Димка.

— Нет, — сказал отец, — когда я служил, ничего такого и в помине не было. Мне двадцать лет в карауле исполнилось. Никто и не вспомнил. Не до нежностей было... — Отец вздохнул, и Димке почему-то показалось, что он жалеет о том времени, когда было не до нежностей. А может быть, просто обидно ему стало, что никто его тогда не поздравил.

«Надо поздравить Лебедева, — подумал Димка, — надо обязательно его поздравить».

Ему хотелось что-нибудь подарить Лебедеву. Но что? Он ничего не мог придумать. Бабушка в таких случаях говорила: «Важен не подарок, важно внимание».

Димка взял открытку, самую красивую — серебристая ракета в черном небе летит к звездам — и написал на обороте:

«Дорогой Лебедев! Поздравляю вас с днем рождения и желаю...»

— Пап, — спросил он, — чего пожелать Лебедеву?

— Хм, — сказал отец, — наверно, успехов в учебно-боевой и политической подготовке.

«...успехов в боевой и политической подготовке», — написал Димка. Слово «учебно» он выбросил. Потом подумал и добавил: «...а так же счастья в личной жизни». И подписался: «Толмазов Дима».

Он решил, что отдаст эту открытку Лебедеву утром.

Но на рассвете полк подняли по тревоге.

На рассвете застучали по ступенькам сапоги посыльных, зазвенели звонки в квартирах, захлопали двери.

Ничего этого Димка не слышал. Он спал. А когда проснулся, отца уже не было. Димка очень расстроился, рассердился на маму: почему не разбудила?

— Потому что тебе там нечего делать, — сказала мама.

Димка обиделся еще больше. Торопливо позавтракал и побежал к казарме.

В казарме было тихо и пусто. Только дневальный скучал у тумбочки с телефоном.

— Проспал? — спросил он.

Димка ничего не ответил. Уж если бы он был солдатом, он бы ни за что не согласился дежурить у тумбочки, когда все поднялись по тревоге.

Он вышел на улицу, побрел к солдатской курилке. Сел на скамейку, где сидел всегда рядом с Лебедевым. Скамейка была сколочена из грубых досок и вся испещрена вырезанными буквами и цифрами. Кто вырезал свое имя, кто — год рождения, а кто — название родного города. «Пермь, — читал Димка, — Вологда... Баку... Саратов...»

«Может быть, они уже поднялись в небо, — думал Димка, — может быть, летят уже среди облаков, готовые в любую минуту как белый смерч обрушиться на голову противника...»

Эти слова про белый смерч Димка прочел в одной книжке, и они ему очень понравились.

Димка попробовал представить, как гудит в самолете сирена, как поднимаются со своих мест солдаты, как медленно распахиваются створки огромного люка, как бушует воздушный вихрь... Все это рассказывал ему Лебедев. Но разве представишь такое? Вот самому бы посмотреть, своими глазами!

А может быть, и не поднимались они ни в какое небо, а просто бегут сейчас по пыльной дороге, топают сапогами, спешат выйти наперерез «противнику»...

Самое обидное, что Димка ничего не знает. Сидит здесь, как дурачок, и гадает. Жалко было отцу разбудить, что ли...

Посидел Димка в курилке, пошел домой. Дома тоже скучно. Мать сказала:

— Что ты мотаешься, как неприкаянный? Поиграл бы с детьми...

«С детьми!» — Димка фыркнул. «Дети» — это белобрысый шестилетний Павел, сын начальника штаба, и первоклассница Нинка. Димка всегда старался не-

заметно прошмыгнуть мимо них, а то увяжутся, потом не избавишься.

Снова пошел Димка к казарме — вдруг вернулись уже солдаты. Нет, не вернулись.

На скамейке в курилке сидел свободный дневальный и грелся на солнце.

— Смотри! — вдруг сказал он и вскочил.

Димка взглянул в небо, туда, куда показывал солдат, и ахнул от восторга. Там, в голубом небе, словно белые облачка, распускались парашюты. Один, два... пять... десять... Их было так много, что Димка сразу сбился со счета.

— Наши! — радостно закричал Димка. — Это же наши!

...Роты начали возвращаться только под вечер. Солдаты шагали усталые, пыльные, в темных от пота гимнастерках. С автоматами, с противогазами и ранцами, с фляжками и саперными лопатками, с подсумками и ножами — полная боевая выкладка.

Все роты вернулись, а той, которую ждал Димка, которую уже давно называл своей, все не было. Нескольким раз прибежал он к казарме — все пусто.

Наконец рота появилась — уже перед самым ужином, когда стемнело.

Димка помчался в курилку — ему не терпелось узнать новости, расспросить солдат, как они прыгали.

В курилке было непривычно тихо. Солдаты сидели молчаливые, даже пыль с сапог еще не счистили, не помылись, — видно, здорово вымотались. Говорил только Лебедев. И голос у него был усталый, раздраженный, незнакомый Димке. Но все равно Димка обрадовался, как только услышал этот голос. Он даже не думал никогда раньше, что за день можно так соскучиться о человеке.

— Ну что, ему больше других надо, что ли? — говорил Лебедев. — Зачем он второй раз погнал нас по этому полю? Славу себе на нашем горбу заработать хочет. Начальство скажет — он и старается, вон из кожи лезет. А солдат — что солдат... Солдат все стерпит...

Сосед Лебедева толкнул его в бок и показал глазами на Димку.

— А что! Я же правду говорю. Пусть слушает.

И тут вдруг Димка понял: это же про его отца говорит Лебедев!

...Давно еще, когда он был совсем маленьким, Димка однажды купался в озере. Он шел по ровному песчаному дну и вдруг провалился в яму. Вода скрыла его с головой, он захлебнулся. Хорошо, отец был рядом, он тут же выхватил Димку, ничего ужасного не случилось, но страх перед мгновенной неожиданностью, перед внезапностью перемены, перед этим таинственным «вдруг» надолго остался в Димкиной памяти. И вот теперь он снова испытал подобное чувство.

Наверно, ему надо было сразу уйти. Но тогда они могли подумать, что он побежал жаловаться отцу. А он никогда не был доносчиком. И Димка стоял и ждал, что будет дальше.

— Ладно, — сказал Лебедев, — пошли, хлопцы, мыться.

«Пошли, хлопцы, мыться», — сказал Лебедев, будто ничего не случилось. И, проходя мимо Димки, потрепал его по плечу...

Солдаты потянулись в казарму, курилка опустела, и Димка опять остался в одиночестве. Домой идти он не мог — мать только взглянет на него и сразу начнет допрашивать: что произошло? Даже отцу, когда у него неприятности, не удастся скрыть это. И тогда между отцом и матерью обычно начинается такой разговор: «Что случилось?» — спрашивает мама. «Ничего, — отвечает отец. — Откуда ты взяла?» — «Я же вижу». — «Что ты можешь видеть?» — сердится отец. «Ну ладно, — примирительно говорит мама, — ничего, так ничего».

Но от Димки она, конечно, так легко не отстанет.

Только теперь Димка вспомнил об открытке, которую не отдал Лебедеву. Открытка измялась в кармане брюк. Димка медленно порвал ее на маленькие кусочки и выбросил.

Он так и не пошел домой — спрятался в кустах и сидел там тихо, не шевелясь, обхватив ноги руками, уткнувшись подбородком в колени.

«Как же так? — повторял он про себя. — Как же так?..»

Ему уже не раз казалось, что отец бывает неспра-

ведлив и резок с солдатами, только он боялся сам себе признаться в этом. Ему хотелось, чтобы солдаты любили его отца, он даже не представлял, что может быть по-другому. А Лебедев... Как он мог так говорить об его отце! И что же теперь будет с ним, с Димкой...

Мысли путались в Димкиной голове, он никак не мог в них разобраться. Только одно он знал твердо: никогда уже ему не будет так хорошо, как было в тот день, когда он прыгнул с вышки, и отец вел его домой за руку, и встречные солдаты отдавали отцу честь... Никогда уже так не будет, никогда...

И от непоправимости того, что случилось, Димка заплакал.

5

Ничего не изменилось.

По-прежнему отец поднимался рано утром, делал зарядку, вертелся на турнике, завтракал, уходил на работу.

По-прежнему маршировали роты, отправляясь на занятия, и возвращались вечером пыльные и усталые.

По-прежнему солдаты чистили свои автоматы, и надраивали до блеска сапоги, и пришивали к гимнастеркам белоснежные подворотнички, чтобы завтра снова отправиться на занятия и снова вернуться грязными и усталыми...

Ничего не изменилось. Только Димка стал реже бегать к казарме. И Лебедев, конечно, заметил это. Но ни о чем не спрашивал, — наверно, и сам все понимал. Лишь однажды все-таки не выдержал, снова завел разговор о Димкином отце.

В этот день Лебедев был дневальным, они остались в казарме вдвоем с Димкой.

— Как-то дома я разбил стекло, — сказал Лебедев, — так потом целых два дня прятался от батьки. Батька у меня человек вспыльчивый — как рассвирепеет, лучше ему на глаза не попадаться. Зато отойдет — все забудет. А твой папаша тебя не обижает?

Димка молча помотал головой. Он чувствовал, что разговор подходит к главному.

— Может быть, твой батька и неплохой человек, —

задумчиво сказал Лебедев, — только не любят его солдаты. Тяжело с ним служить. Его бы воля — он бы солдату ни одной минуты свободной не оставил. И так письмо даже некогда написать — веришь?

Димка уже не расстраивался, как в прошлый раз, но все равно у него оборвалось сердце, когда Лебедев произнес эту фразу: «Не любят его солдаты». Только и утешало Димку, что Лебедев разговаривал с ним откровенно, как со взрослым.

— Солдат ведь как, — продолжал рассуждать Лебедев, — ему сегодня пойдй навстречу, сделай послабление, так он завтра в лепешку разобьется, а все, что нужно, выполнит. А твой батька этого не понимает. Как начнет нудить из-за пустяка — хоть беги. Лучше бы накричал...

Димка молчал и с растерянностью ловил себя на том, что в душе соглашается с Лебедевым.

А вечером, перед сном, уже лежа в кровати, он рисовал в своем воображении такую картину: Лебедев спасает его отца. Или нет, наоборот — отец спасает Лебедева. Например: не разорвется граната. Бывают такие случаи, он сам читал. И Лебедев бросится к ней, но у него подвернется нога, и он упадет. А отец кинется к нему и оттащит в сторону. И тут граната взорвется. Потом отец скажет Лебедеву: «Откровенно говоря, я не думал, Лебедев, что вы такой храбрый». А Лебедев скажет Димкиному отцу: «Товарищ капитан, вы спасли мне жизнь. Я этого никогда не забуду». И потом, когда демобилизуется и уедет домой, будет писать письма и в конце каждого письма будет передавать приветы Димке. Все было хорошо в этой истории, только, пожалуй, слишком долго не взрывалась граната, слишком терпеливо ждала, когда Димкин отец оттащит Лебедева в сторону.

«Ну ладно, не обязательно граната, — думал Димка, — ведь сколько бывает разных героических случаев... Может же один произойти с его отцом и Лебедевым. Чтобы они поняли, что ошибались. Чтобы они не думали друг о друге плохо».

После разговора с Лебедевым Димка все чаще ловил себя на том, что стал внимательнее присматриваться к отцу — как разговаривает тот с солдатами, как шутит, как сердится, как отдает приказания...

И теперь даже маленькие, незначительные происшествия, на которые он раньше бы и внимания не обратил, заставляли его задумываться, радовали его или портили ему настроение...

Он невзлюбил занятия по противоатомной защите. Каждый день одно и то же. Надеть — снять. Надеть — снять. Снять — надеть. И солдаты натягивают противогазы, торопливо напяливают на сапоги клейкие, янтарного цвета защитные чулки, завязывают тесемки, заворачиваются в бумажные накидки, приседают и становятся похожими на маленькие копны сена, разбросанные по полю. А командиры щелкают секундомерами. И отец тоже смотрит на секундомер и хмурится. Оказывается, здесь все важно: и откуда ветер дует, и как сбросить накидку, и что снять сначала, а что потом, — каждая мелочь имеет значение. Чуть что не так сделаешь — двойка, начинай все сначала. Один раз, два раза, десять... Даже Димке надоедает. А каково же солдатам!

Зато занятия по самбо — совсем другое дело! Самооборона без оружия — одно название чего стоит! Смотреть, как солдаты схватываются друг с другом на толстых, мягких матах, как разучивают разные хитрые приемы — это Димке никогда не надоест.

Однажды он так увлекся, что даже не заметил, как подошел отец. Отец посмотрел, посмотрел, потом сказал:

— Рядовой Горохов, не ленитесь.

— А я и не ленюсь, товарищ капитан, — обиженно отозвался Горохов. — Вон мокрый уже весь.

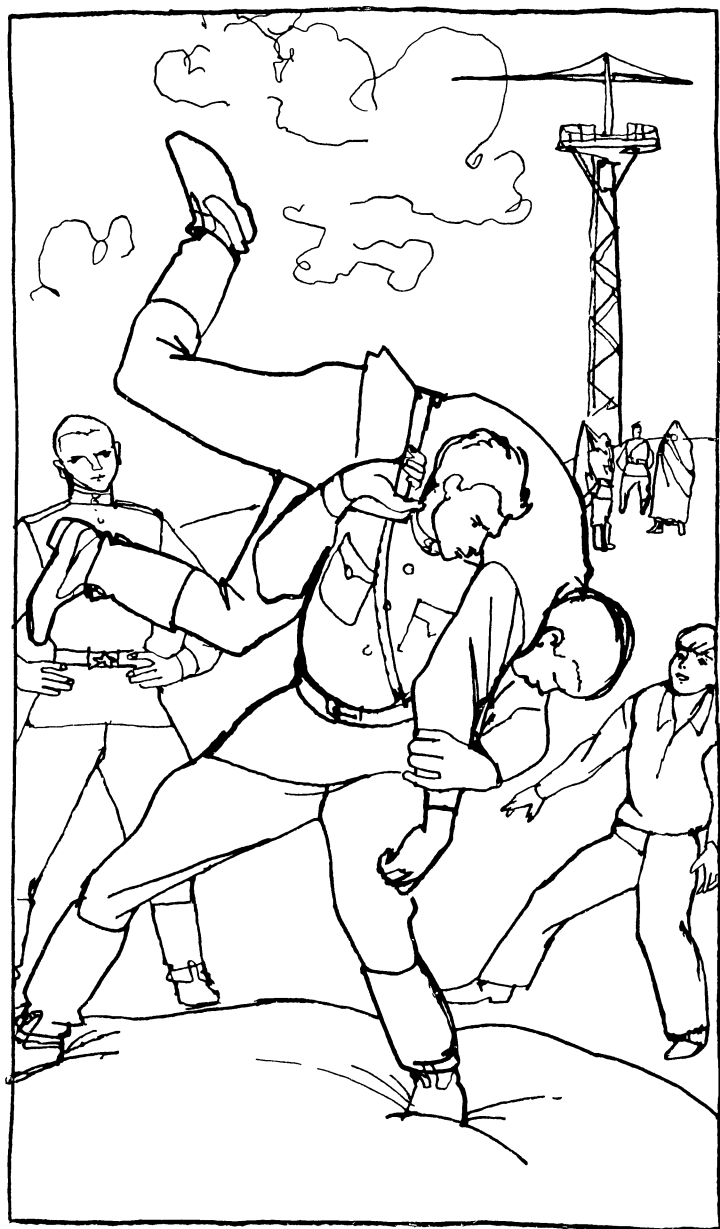
— Нет, нет, так не пойдет, — сказал Димкин отец, — вы вроде той сороконожки, которая задумалась, с какой ноги ей шагнуть. А у вас каждое движение должно быть отработано до автоматизма. Вот, смотрите.

Он шагнул на мат и остановился против Горохова.

— Нападайте на меня. Нападайте с ножом. Ну, смелее!

Кто-то из солдат сунул Горохову короткую деревяшку — вместо ножа. Горохов нерешительно двинулся вперед.

— Э-э, нет, не годится, — поморщился отец. — Никуда не годится. Смелее! Энергичней!



Горохов на этот раз быстрее бросился вперед, взмахнул рукой. В ту же секунду Димкин отец перехватил его руку, сделал какое-то неуловимое движение и перебросил Горохова через себя.

— А ну-ка, еще раз!

Теперь уже Горохов вошел в азарт. Он резко, неожиданно наклонился, стараясь ударить Димкиного отца в живот, но снова оказался брошенным на мат. Нож-деревяшка валялся далеко в стороне.

Солдаты восторженно загудели. Они с восхищением смотрели на Димкиного отца, и Димка в эту минуту гордился им и радовался за него...

В другой раз, как-то в перерыве между занятиями по радиodelу, кто-то из солдат включил транзисторный приемник — передавали репортаж о футбольном матче. Играли советская сборная и сборная Венгрии. До конца матча оставалось пятнадцать минут, и счет был 1 : 0 в пользу Венгрии. Слышно было, как ревел стадион.

— Советские футболисты атакуют! Непрерывно атакуют! — захлебывался комментатор. — Все игроки сейчас на половине Венгрии. Удастся ли нашим ребятам уйти от поражения?!

Солдаты болели очень дружно: они хлопали в ладоши, вскрикивали, когда наши футболисты прорывались к воротам противника, и напряженно затихали, когда в атаку шли венгры. Они переживали так, словно весь этот матч разворачивался на их глазах, словно своими криками они могли подбодрить нашу сборную. И Димка переживал вместе со всеми.

Перерыв кончился, пора было уже начинать занятия, но солдаты не отрывались от приемника. И молодой лейтенант, командир взвода, тоже азартно болел вместе с солдатами.

— Идут последние минуты матча! Венгерские защитники выбивают мяч за пределы поля. Сейчас наши ребята будут подавать угловой. Это шестнадцатый угловой во втором тайме! Наши ребята торопятся! Очень торопятся!

И в этот момент Димка вдруг услышал голос своего отца:

— Что тут происходит? Почему взвод не на занятиях?

Лейтенант вскочил, вытянулся и, залившись румянцем, сказал:

— Виноват, товарищ капитан... Заслушались...

А солдаты возбужденно, перебивая друг друга, заговорили:

— Товарищ капитан, семь минут осталось...

— Товарищ капитан, наши проигрывают...

— Товарищ капитан, разрешите...

Они умоляюще смотрели на Димкиного отца, и он, показалось Димке, заколебался. Он-то ведь тоже был болельщиком, Димка знал это отлично, ему тоже наверняка хотелось послушать, как кончится матч.

«Ну разреши, ну разреши... Ну что тебе стоит...» — уговаривал в душе Димка отца.

Есть же на свете счастливые люди, обладающие даром гипноза! Если бы Димка мог сейчас внушить отцу свои мысли! Он представил себе, как махнет отец рукой: «А, была не была!», как обрадуются солдаты, как восторженно будут опять смотреть на своего командира...

«Ну что тебе стоит...»

Но отец колебался только несколько секунд. А может быть, он и не колебался вовсе. Может быть, это только показалось Димке.

— Все. Довольно, — командирским голосом сказал отец. — Шагом марш на занятия.

«Наши опять атаку...» — комментатор словно наткнулся с разбегу на невидимое препятствие и замолк. Это лейтенант поспешно выключил приемник.

И солдаты понуро пошли в класс — выстукивать на ключах азбуку Морзе.

А отец улыбнулся Димке и сказал:

— Я вижу, ты скоро совсем переселишься к солдатам. Может быть, тебе и кровать перенести в казарму. А?

Неужели отец не понимал, что он сейчас сделал? Неужели даже не чувствовал этого? Иначе разве бы он стал шутить и улыбаться? И оттого, что отец, его отец не мог понять таких простых и таких важных вещей, Димка расстраивался и страдал еще сильнее...

В этот день он больше не появился в солдатской курилке: он знал, что сегодня не услышит о своем отце ничего хорошего...

В воскресенье вечером Димка с отцом отправились на рыбалку. Отец уже давно обещал Димке найти свободный вечерок и махнуть на озеро. Но вечерок этот что-то никак не находился. То отец решал, что слишком давно уже не присутствовал на вечерней поверке, и шел вечером в роту, то заступал в наряд — дежурным по части, то проводил беседу с нарушителями дисциплины, то принимался, как он говорил, за писанину: мудрил целый вечер над аккуратно расчерченным листом бумаги — готовил для штаба сведения об успеваемости. Еще в те времена, когда Димка с мамой жил у бабушки и отец приезжал в отпуск, к концу отпуска он всегда становился беспокойным, начинал нервничать, говорил, что у него такое ощущение, будто в роте что-то произошло, будто его там ищут, и успокаивался только тогда, когда садился в поезд. И теперь мысли его тоже все время были заняты ротой. Причем заботы его часто были какие-то совсем не командирские, как казалось Димке. Надо выделить двух человек красить забор в подшефном детском саду — а кого? Надо срочно ремонтировать канцелярию роты — а чем? Надо провести дополнительные занятия по огневой подготовке — а когда? До рыбалки ли тут!.. Вот и откладывался их поход со дня на день...

На озере стояла такая глубокая предзакатная тишина, что казалось, ударится мотылек о воду — и то слышно! А вода застывшая, гладкая. Забросить удочки в такую воду — одно удовольствие: чуть ткнется рыба в наживку, поплавок уже чутко вздрагивает.

И клев был хороший. Казалось, рыба только ждала, когда явятся сюда Димка с отцом. Но вот странно: у Димки поплавок плясал почти непрерывно, успевая лишь выдергивать, однако попадалась все мелочь, окуньки да плотва с палец величиной. А у отца клевала рыба не часто, но зато уж если клевала, так крупная, с ладонь, не меньше. Вроде бы и крючки одинаковые, и наживка та же самая — никак не мог Димка понять, в чем секрет, видит рыба, что ли...

— Пап, ну скажи, почему... Ну, пап...

А отец лишь посмеивался с таинственным и

многозначительным видом, — наверное, и сам не знал, почему.

Когда стемнело, отец развел маленький костер и принялся чистить рыбу. Димке чистить рыбу он не доверял. Были вещи, которые он всегда делал сам. Например, всегда сам пришивал подворотнички к гимнастерке и сам гладил брюки — не доверял это делать маме. Когда шила мама, она обычно вдевала в иголку короткую нитку, а отец — длинную, чтобы не вдевать лишний раз. «Ты — как черт, который с портным состязался, — смеялась мама, — дай-ка, лучше я пришью...» Но отец никогда не соглашался. Наверно, как привык еще в училище, так и считал, что пришивать подворотнички не женское дело, что никто это не делает лучше него.

Потом они сидели вдвоем у костра, слушали, как булькает вода в котелке. Отец ломал ветки и бросал их в огонь. А Димка смотрел на его руки. Руки у отца большие, сильные. На правой руке — узкий шрам. Шрам начинается у запястья и скрывается под гимнастеркой. Это, когда отец был еще солдатом, он однажды помогал вытаскивать засевший газик, а трос оборвался и хлестнул его по руке.

— Пап, — неожиданно спросил Димка, — это правда, что тебя не любят солдаты?

— Что? — Отец резко выпрямился. Димке даже показалось, что он вздрогнул. Будто ему причинили боль. Димка даже не решился еще раз повторить свой вопрос.

— Кто тебе это сказал? — спросил отец. — С чего ты решил?

— Да так... — замялся Димка. Не мог же он рассказать отцу про Лебедева и не мог объяснить, что давно уже собирался спросить его об этом, да все никак не мог решиться: чем дольше собирался, тем труднее было произнести эти слова, просто язык не поворачивался... А сейчас они сорвались сами собой, и Димка уже жалел об этом — зачем он сунулся? Так долго ждал этой рыбалки — и вот теперь сам все испортил...

Он сидел сжавшись, не глядя на отца, не зная, что теперь будет: то ли отец рассердится, то ли, может быть, вообще не захочет больше разговаривать с ним...

— Что это за манера, — сказал отец, — намекнуть — и в кусты? Раз уж заикнулся, так договаривай. С чего это тебе пришло в голову? Кто тебе это внушил?

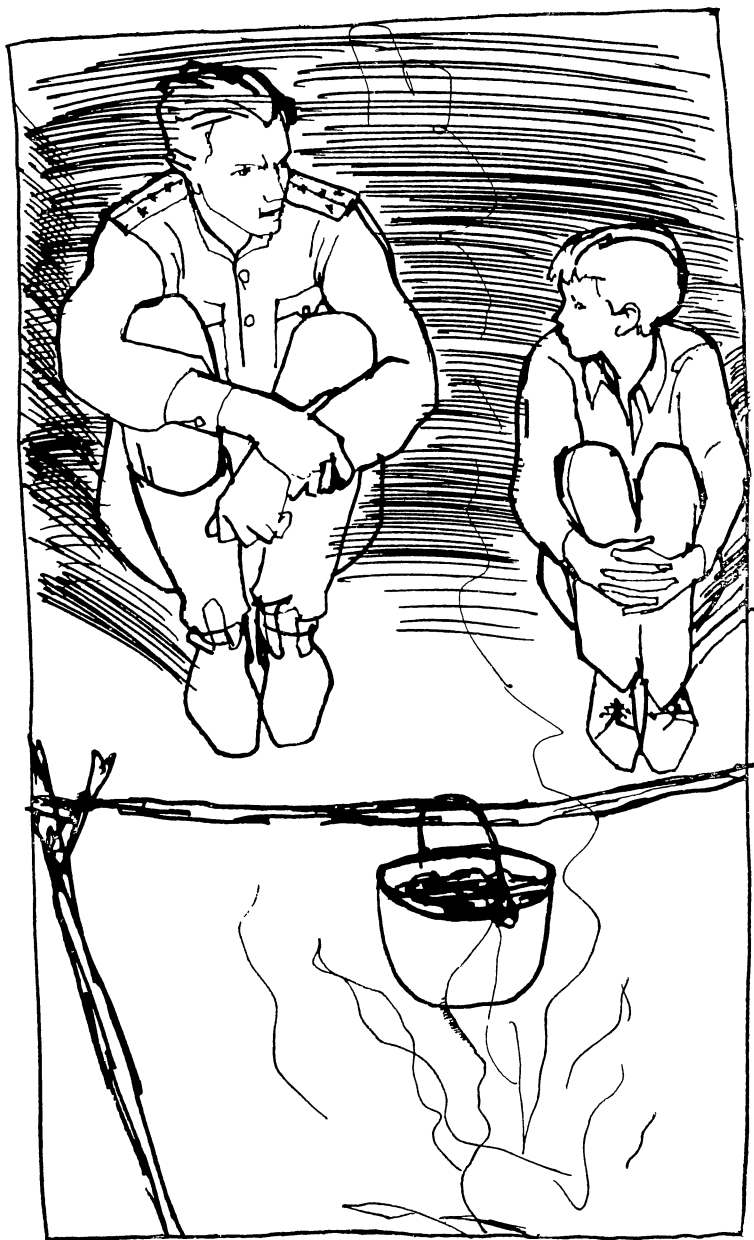
— Ну, солдаты говорили, — нехотя сказал Димка, — тогда, после тревоги...

Ему не хотелось снова причинять отцу боль, но что теперь он мог сделать?

Отец молчал, глядя в огонь. Тени и отблески пламени пробегали по его неподвижному лицу.

— Я как-то не предполагал, что ты об этом думаешь... — сказал он наконец. — Видишь ли, — продолжал он, опять помолчав, — быть добреньким иногда очень легко и приятно. Когда я еще служил солдатом, был у нас один такой сержант — из добреньких. Бывало, выведет нас в лес, подаст команду: «По ягоды разойдись!» — мы и довольны. Мы тогда все торгались им: «Свой парень!» А теперь вот я вспоминаю его и вижу, что он был просто ленивый, недобросовестный человек, только и всего. — Отец замолчал, словно заколебался: стоит ли обо всем этом говорить с Димкой. Потом заговорил снова: — Конечно, мне было неприятно услышать сегодня твои слова. Каждому командиру хочется, чтобы его любили. Но зарабатывать солдатскую любовь такой ценой я никогда не буду. Что произошло тогда — во время тревоги? Прыгнули солдаты отлично, потом окопались, потом пятьдесят километров отмахали по жаре — короче говоря, вымотались окончательно. И отдых заслужили, ничего не скажешь. До казармы уже рукой подать, а тут еще зараженную местность надо преодолевать. Ну, и поторопились: кто даже защитные чулки не надел, кто накидку кое-как набросил, — мол, сойдет, — кто с противогазом замешкался. Я и вернул их. Потом еще раз. И еще. Пока во время не уложились, пока все не проделали, как положено. Думаешь, я тогда не видел, что люди устали, что люди раздражены? И что они заслужили отдых, не понимал, думаешь? Я уж не говорю о том, что я тоже устал, это не в счет...

Первый раз говорил отец с Димкой так серьезно, и Димка затаился, сидел не шевелясь, — он боялся: вдруг глянет отец, увидит, что перед ним всего-навсего только он, Димка, и замолчит...



— И думаешь, я не знал, что скажи я сейчас: «Ладно, хорошо, сойдет и так», — солдаты были бы рады и похваливали бы меня, своего командира? Все это я знал. Но и еще знал: если я не научу их, то кто же научит? Если я не потребую, то кто же потребует? Возьми самое простое — противогаз. Коль мы сегодня не научим, не натренируем солдата автоматически, мгновенно, в любой обстановке надеть противогаз, завтра, если начнется война, будет уже поздно. Как бы он ни хотел, как бы он ни старался, он уже не сумеет сделать это. Это все разговорчики, что, мол, нужда заставит, нужда научит. Не научит. И перед смертью он будет проклинать нас, своих командиров, которые не научили его... А солдат ведь не только выжить должен — он победить должен. Вот в чем все дело...

Димка молчал. Бегая по военному городку, глядя, как занимаются солдаты строевой, как учатся бросать гранаты, как преодолевают препятствия, он как-то никогда не думал ни о чем таком. Ему казалось, что стреляют солдаты только для того, чтобы научиться метко стрелять, бегают для того, чтобы быстро бегать, сидят за радиостанциями, чтобы хорошо знать азбуку Морзе... Он как-то никогда не думал о той, главной цели, которая стояла за всем этим...

— Ну, ладно, что-то мы с тобой заговорились, — сказал отец. — И уха наша, наверно, переварилась...

Они ели горячую наваристую уху, их ложки стукались друг о дружку, и отец, смеясь, вспоминал о том, как рыбачил в детстве с бреднем, как ловил раков... Но видно, очень больно задел его Димка своим вопросом, потому что в этот вечер отец все-таки еще раз вернулся к прежнему разговору. Они уже шли домой, шагали в темноте по обочине шоссе, когда отец вдруг сказал:

— Знаешь, никогда не старайся, чтобы тебя все любили. Это плохо, по-моему, когда тебя все любят... Если тебя все хвалят, если ты нравишься всем сразу, если у тебя нет врагов, значит, посмотри, подумай — что-то ты делаешь не так...

Он сказал это и замолчал, больше ничего не стал объяснять Димке. И теперь уже до самого дома они шли молча.

«Почему так получается?» — думал Димка. Послушает он отца — ему кажется: отец прав. Послушает Лебедева — ему кажется: Лебедев прав.

«Неужели у меня нет никакого собственного мнения?» — думал Димка.

7

— Хочешь посмотреть, как работает рация? — спросил Лебедев. — Приходи после обеда в радиокласс, я буду ее проверять. Заодно научу тебя настраивать передатчик. Хочешь?

Он еще спрашивал!

Вообще Лебедев молодец. Всегда позовет, всегда скажет, где что интересное. Будь его воля, он бы и в самолет, наверно, взял Димку.

Сразу после обеда Димка побежал в радиокласс.

Он бежал по тропинке вдоль забора и палкой сбивал верхушки репейника. Р-раз! Р-раз! И вдруг почувствовал, что кто-то на него смотрит. Доска в заборе опять была отодвинута, и по другую сторону забора стояла девушка — та самая, которая спрашивала его однажды о Лебедеве. С тех пор Димка ее больше не встречал и совсем забыл о ней.

— Мальчик, подойди-ка сюда. Ну как, теперь ты знаешь Лебедева?

— Знаю, — сказал Димка. Он еще не решил, как ему следует относиться к этой девушке. Лебедев никогда ничего не говорил о ней.

— А позвать ты его можешь?

— Лебедев сейчас занят, — сказал Димка. Все-таки ему ни с кем не хотелось делить свое право на дружбу с Лебедевым.

— Ну ладно, ты все же передай ему, чтобы пришел на минутку. Скажи — Тамара зовет. Хорошо?

— Хорошо, — неохотно согласился Димка. — Только он все равно не сможет. Вот увидите.

Когда Димка вошел в радиокласс, Лебедев, видно, только начал работать. Он вынимал из передатчика лампы и протирал их.

— Вас там зовет какая-то, — сказал Димка, — говорит, на минутку...

— Тамарка? — обрадовался Лебедев. — Вот спасибо, что сказал. Слушай, Димка, будь другом, посиди здесь немножко, я мигом сбегаю. Если кто зайдет, скажешь, на склад ушел за лампами. Лады?

Он подтянул ремень, одернул гимнастерку и убежал.

А Димка остался один в классе. Он слышал, как за стеной кто-то монотонно и настойчиво повторяет: «Гранит, я Алмаз. Гранит, я Алмаз. Как слышно, я Алмаз, прием. Гранит, я Алмаз. Гранит, я Алмаз...» Видел, как из караульного помещения прошла смена — солдаты шли цепочкой, в затылок друг другу. Потом мимо окна протрусила лошадь с косматой гривой, за ней пробежал солдат. Димка знал: на этой лошади обычно возили продукты со склада в столовую, но запрячь ее было делом нелегким, тем более, что не так много находилось теперь солдат, умеющих как следует запрягать лошадь. Лебедев рассказывал, как однажды целый час ловил эту лошадь. Все хлебом хотел ее приманить, отламывал кусочек за кусочком и не заметил, как сам съел всю буханку.

Скоро Димке стало скучно. Он осторожно приблизился к рации, пощелкал переключателями, повертел ручки настройки. Надел наушники, попробовал вообразить себя радистом. Все равно было скучно. Он никогда не умел играть один, сам с собой.

Сколько же прошло времени? Димка уже начал нервничать. А вдруг тревога? Что тогда делать? Или вдруг придет командир полка? Командира полка здесь все боялись, даже Димкин отец. Поэтому Димка вовсе не испытывал желания попасться ему на глаза.

Несколько раз в коридоре раздавались шаги, кто-то приходил и уходил, а Лебедева все не было.

И чем дольше сидел здесь Димка, тем неудобнее, беспокойнее чувствовал он себя — словно попал в чужую квартиру и теперь с минуты на минуту могут явиться хозяева.

Вот в коридоре снова закрипели половицы, кто-то шагнул — громко и уверенно.

Дверь распахнулась — на пороге стоял Димкин отец. Он взглянул на сына озабоченно, деловито, словно Димка был вовсе не Димка, а солдат, его подчиненный, и спросил:

— Где Лебедев?

— Он на склад ушел, — сказал Димка торопливо.

— Ты в этом уверен? — спросил отец.

— За лампами... — нерешительно добавил Димка.

— Давно?

— Нет... Недавно... — Каждое слово давалось Димке с трудом. Он не решался взглянуть на отца и в то же время с ужасом чувствовал, что краснеет. И от этого краснел еще больше. И ничего не мог поделать с собой.

— Ну что ж, ладно, — сказал отец.

Он резко повернулся и вышел. Димка видел, как прошел он по асфальтированной дорожке, обсаженной кустами, как приостановился на минуту, но не свернул направо, как должен был бы свернуть, если бы шел к казарме, а продолжал идти прямо.

«К складу!» — сообразил Димка.

Ясное дело, отец догадался, что Димка сказал неправду.

Сейчас он придет на склад и увидит, что никакого Лебедева там нет и не было. И тогда... Что будет тогда, Димка даже боялся вообразить. Отец не переносил, когда его обманывали.

О себе самом Димка в этот момент как-то не думал. Он думал о Лебедеве.

Лебедева надо спасать.

Он бросился к двери, потом снова к окну. Отец уже был далеко. Самое большее через десять минут он будет уже у склада.

И вдруг спасительная мысль мелькнула в Димкиной голове.

Надо предупредить Лебедева. И пусть он бежит к складу. Отец наверняка пойдет по дороге. А Лебедев побежит напрямик. Он успеет.

Димка выскочил из класса, пробежал по коридору, спрыгнул с крыльца. И остановился.

А отец? Как же отец? Он даже не подозревает, что его сын...

Но раздумывать было некогда.

Только бы разыскать Лебедева!

Первой Димку увидела Тамара.

— Вон твой оруженосец бежит, — сказала она Лебедеву.

Они стояли друг против друга, и Лебедев держал ее за руку — наверно, прощались, а может быть, они все время так стояли, кто их знает.

— Лебедев, — стараясь отдышаться, сказал Димка, — тебя там командир роты ищет. — Первый раз Димка назвал Лебедева на «ты». — Сейчас он на склад пошел.

— А, чепуха, — беззаботно сказал Лебедев, — что-нибудь придумаем...

Димка растерянно уставился на него. Вот тебе пожалуйста — он мчался, торопился, хотел выручить Лебедева, переживал за него, а Лебедев никуда даже и не собирался бежать.

Запыхавшийся, взволнованный, Димка сам себе показался сейчас смешным.

Он молча повернулся и пошел назад, к учебному корпусу.

— погоди, Димка! — Лебедев догнал его, пошел рядом.

— Не обижайся, — сказал он. — Ты молодец, что предупредил. Враг не застанет нас врасплох.

Димка молчал. Его мучила совесть. Она всегда начинала его мучать, когда было уже поздно. Как он посмотрит теперь в глаза отцу?

Вдвоем они вернулись в радиокласс, где на столе сиротливо стояла рация с вынутыми лампами.

Лебедев взглянул на часы, озадаченно почесал затылок.

— Н-да, — сказал он и принялся вставлять лампы.

Потом быстренько щелкнул переключателями, и Димка увидел, как дрогнули, качнулись невесомые стрелки за стеклами приборов, услышал, как зашуршало, зашумело в наушниках. Лебедев снова щелкнул переключателями — все стихло.

— Долго ли умеючи, — сказал он. — Все. Пошли в казарму.

Он совсем забыл, что обещал сегодня научить Димку настраивать рацию. И Димка не стал напоминать.

Возле казармы они столкнулись с Димкиным отцом.

«Вот оно, — подумал Димка испуганно, — сейчас все выяснится».

Но отец даже не вспомнил про склад, — может

быть, он и не ходил туда вовсе, может быть, все это напрасно напридумывал, навообразил сам Димка...

Отец только спросил:

— Ну, как, Лебедев, все сделали?

— Так точно, товарищ капитан.

— Проверили? Все в порядке?

— Так точно. Наша техника — самая надежная в мире, — весело сказал Лебедев. Никто бы другой, пожалуй, не решился так разговаривать с командиром. Да и Лебедев, наверно, не решился бы, если бы не было рядом Димки.

— Ох, Лебедев, — сказал Димкин отец, — когда вы перестанете болтать понапрасну?

На этом разговор и кончился. Но все равно Димка чувствовал себя неважно. Вот они стоят друг против друга, два человека — отец, которого любит Димка больше всех на свете, и Лебедев, дружбой с которым он дорожит и гордится и которому он только что помог обмануть отца... Димка не может без отца, но он не может и без Лебедева — почему он обязательно должен выбирать?..

8

С самого начала Димка был уверен: что-то должно случиться, что-то должно произойти на стрельбах.

Уж очень много о них говорили, очень долго к ним готовились. И настроение у всех было приподнятое, даже торжественное, как перед праздником.

И хотя сам Димка, в общем-то, не имел никакого отношения к этим стрельбам, он переживал и волновался вместе со всеми. Утром солдаты учились правильно выходить на огневой рубеж, правильно ложиться и целиться, и Димка был тут как тут — смотрел, как у них получается. Вечером солдаты чистили автоматы — и опять Димка вертелся возле них.

Больше всего Димка боялся: вдруг отец не возьмет его на стрельбище. Не очень-то любит отец, когда Димка крутится у него под ногами. Впрочем, сказать «под ногами» — не совсем точно и даже просто смешно: за последний год Димка сильно вытянулся. Теперь он по плечо отцу. Ничего себе — «под ногами»!

Димка знал: отец не любит менять свои решения. Если решит, что Димке нечего делать на стрельбище, то, сколько ни упрашивай, сколько ни уговаривай, все равно не возьмет. Тогда хоть тайком пробирайся. Добраться до стрельбища не сложно, всего три километра, важно только, чтобы там его не заметил отец.

Но Димкины опасения оказались напрасными. Сколько раз он уже ловил себя на том, что никак не может заранее угадать, как поступит отец. Напридумывает, нафантазирует — переживает, волнуется, а на самом деле все оказывается куда проще. Сколько раз уже так было. Димка ждет, что отец рассердится, а отец вдруг начинает шутить. Он готовится спорить, доказывать, уговаривать, а отец соглашается с первого слова.

Так и в этот раз вышло.

Отец только кивнул и сказал:

— Конечно, можно. Как же там, на стрельбище, без тебя?

У него было хорошее настроение.

Но, видно, недаром говорят, что человеку всегда хочется большего. Как в «Сказке о золотой рыбке». Стоило только Димке удостовериться в том, что его право присутствовать на стрельбище не ставится под сомнение, как он тут же размышлял о том, что хорошо бы — разрешили ему пострелять. Хоть разок. Но об этом, конечно, не стоило даже и заикаться.

...К стрельбищу вела изъезженная пыльная дорога. Сначала показалась вышка с белым флагом, потом низенький домик, из которого доносилось тарахтенье движка, и затем уже Димка увидел все стрельбище. Хоть стрельбище раскинулось посреди холмов, поросших кустарником, оно чем-то напоминало городской пустырь. То там, то здесь среди зелени виднелись вытоптанные проплешины, кое-где торчали обломки старых мишеней и покореженные ржавые рельсы. Вдали, за серой полосой бруствера, то показывались, то исчезали темно-зеленые фигуры — мишени. Это операторы в последний раз перед стрельбами проверяли, все ли в порядке. Раньше Димка думал, что на стрельбище все совсем просто: поставят мишени, постреляют, потом посчитают дырки. Вот и вся забота. А оказывается, на настоящем стрельбище совсем не так,

Оказывается, от центральной вышки, от пульта управления к мишеням тянутся провода, закопанные в землю. Оператор сидит за пультом и только нажимает кнопки да щелкает переключателями. Срабатывают невидимые реле, приходят в движение электромоторы — мишени послушно поднимаются, движутся, падают. А на пульте вспыхивают маленькие лампочки — это значит, есть попадание, цель поражена.

Из дома Димка взял старый отцовский бинокль. Вернее, даже не отцовский, а дедушкин. На футляре — потускневшая металлическая пластинка с выгравированной надписью: «Комиссару, товарищу Иванову от наркомвоенмора и РККА за умелые действия во время маневров». Димке особенно нравилось это звучное незнакомое слово: «наркомвоенмор». Самого дедушку, мамино папу, Димка никогда не видел — дедушка пал смертью храбрых во время войны. А бинокль привез с фронта дедушкин товарищ — однополчанин. Теперь этот бинокль мама подарила Димке — чтобы Димка всегда помнил о дедушке.

Бинокль был очень большой и тяжелый — поносишь его с полчаса — и уже шею ломит. Но все равно Димка не желал расставаться с ним. Сейчас Димка рассматривал в бинокль стрельбище — серые валуны, за которыми словно бы притаились невидимые враги, бруствер, из-за которого готова была подняться вражеская пехота...

Димка так увлекся, что даже не сразу услышал, как его окликнули:

— Толмазов-младший! А Толмазов-младший!

Так называл его только один человек в полку.

Димка быстро обернулся и увидел четырех солдат с радиостанциями. Солдаты сидели в кузове машины, и машина уже нетерпеливо подрагивала, готовая тронуться.

— Димка! — кричал Лебедев. — Поехали со мной! В оцепление! Поехали!

Димка шагнул к машине. На секунду он даже забыл о стрельбах. Поехать с Лебедевым в оцепление... Сидеть вдвоем в дозоре и следить, чтобы никто не пробрался на стрельбище... Вдвоем с Лебедевым...

Димка заколебался. Но тогда он не увидит стрельбы, не увидит, как стреляет рота.

Если бы он мог быть сразу и здесь и там. Он хотел и поехать с Лебедевым, и остаться.

И почему отец назначил в оцепление именно Лебедева?

Димка не знал, что делать. Позови его Лебедев еще раз, и он бы, наверно, не выдержал. Но машина тронулась.

— Арривидэрчи, Дима! — крикнул Лебедев и помахал рукой.

Некоторое время облако пыли двигалось по дороге, и Димка следил за ним. Потом машина свернула за холм.

9

Через полчаса машина вернулась пустая, оцепление было расставлено, все было готово к стрельбам.

Опустился на вышке белый флаг, и тут же медленно поднялся красный. Над стрельбищем прозвучал сигнал «приготовиться».

Солдаты торопливо и ловко снаряжали магазины, черные рожки в их руках словно заглатывали один за другим желтые блестящие патроны. Радисты в последний раз проверяли связь с радиостанциями оцепления: «Первый, я огневой, как слышно, я огневой, прием!»

Все были заняты, сосредоточены и серьезны, и Димку тоже вдруг охватило волнение, будто он не был здесь только зрителем, будто и ему предстояло выйти на огневой рубеж, предстояло подчиняться коротким и резким командам и ловить мушку в прорези прицела, и нажимать спусковой крючок... Вроде бы и солдаты были сейчас те же, что и всегда, в тех же стиранных, выгоревших на солнце гимнастерках, и командиры те же, а все-таки было в них что-то новое, знакомое Димке, — ощущение приподнятости и напряженное ожидание владело всеми.

И вроде бы все происходило на глазах у Димки, все он видел: и как строились солдаты, и как докладывали о готовности, и как заряжали автоматы — ничего не пропустил, а все-таки в самый важный момент отвлекся, занялся биноклем, и автоматные очереди застучали неожиданно для него, Димка даже вздрогнул.

Солдаты стреляли по трое. Одна тройка сменяла другую, и вообще-то все они делали одно и то же — одинаково ложились, одинаково натягивали противогазы, одинаково целились и стреляли. Потом поднимались, бежали вперед, навстречу темно-зеленым мишеням, снова стреляли. Каждый раз все повторялось в одной и той же, уже знакомой Димке последовательности. И все равно Димка, не отрываясь, напряженно следил за всем, что происходило на стрельбище. У него устали глаза — оттого, что все время приходилось щуриться, и руки тоже устали от тяжелого бинокля. В общем-то, бинокль сейчас был совсем ни к чему, без бинокля смотреть было гораздо удобнее, но Димка даже самому себе ни за что не хотел признаваться в этом.

Через бинокль он видел маленькие фонтанчики пыли, возникающие возле мишеней, и мгновенный огненный след трассирующих пуль. Иногда трассирующая пуля попадала в камень и рикошетом отскакивала вверх, — это было особенно красиво, словно кто-то чиркал огромной спичкой.

Вот чья-то очередь ушла далеко за мишени, Димка чуть поднял бинокль, чтобы проследить за ней, и замер от неожиданности. На склоне пологого плоского холма, замыкавшего стрельбище, он увидел две маленькие фигурки. Он еще не успел ничего сообразить, не успел даже испугаться — тут же увидел солдата, бегущего к этим двум фигуркам.

— Прекратите огонь! — крикнул кто-то рядом с Димкой. — Сигнал! Дайте сигнал! На стрельбище люди!

Но прежде чем команда достигла огневого рубежа, прошло еще несколько секунд, автоматы продолжали стрелять, и Димка видел, как солдат успел добежать до двух маленьких фигурок, толкнул их на землю и сам упал рядом с ними.

Димка оторвал глаза от бинокля.

Он увидел отца, который бежал к вышке, увидел молоденького лейтенанта, командира взвода, который бежал от вышки, услышал, как последний раз коротко стукнула и оборвалась автоматная очередь...

Солдаты на огневом рубеже оглядывались —

они еще не понимали, почему им пришлось прекратить огонь.

А те солдаты, которые еще минуту назад спокойно сидели в тени вышки, ожидая своей очереди стрелять, теперь вскочили и взволнованно переговаривались между собой. И все смотрели в ту сторону, где кончалось стрельбище, где в траве, не поднимая головы, лежал солдат...

10

В бинокль Димка увидел, как солдат осторожно поднял голову, потом встал на колени и выпрямился. У Димки отлегло от сердца.

Как страшно, наверно, было бежать и слышать вокруг цоканье пуль! А потом упасть и слышать, как продолжают бить автоматы! Какими долгими, наверно, казались эти секунды!

Но Лебедев не мог поступить иначе — это Димка всегда знал: не мог Лебедев поступить иначе.

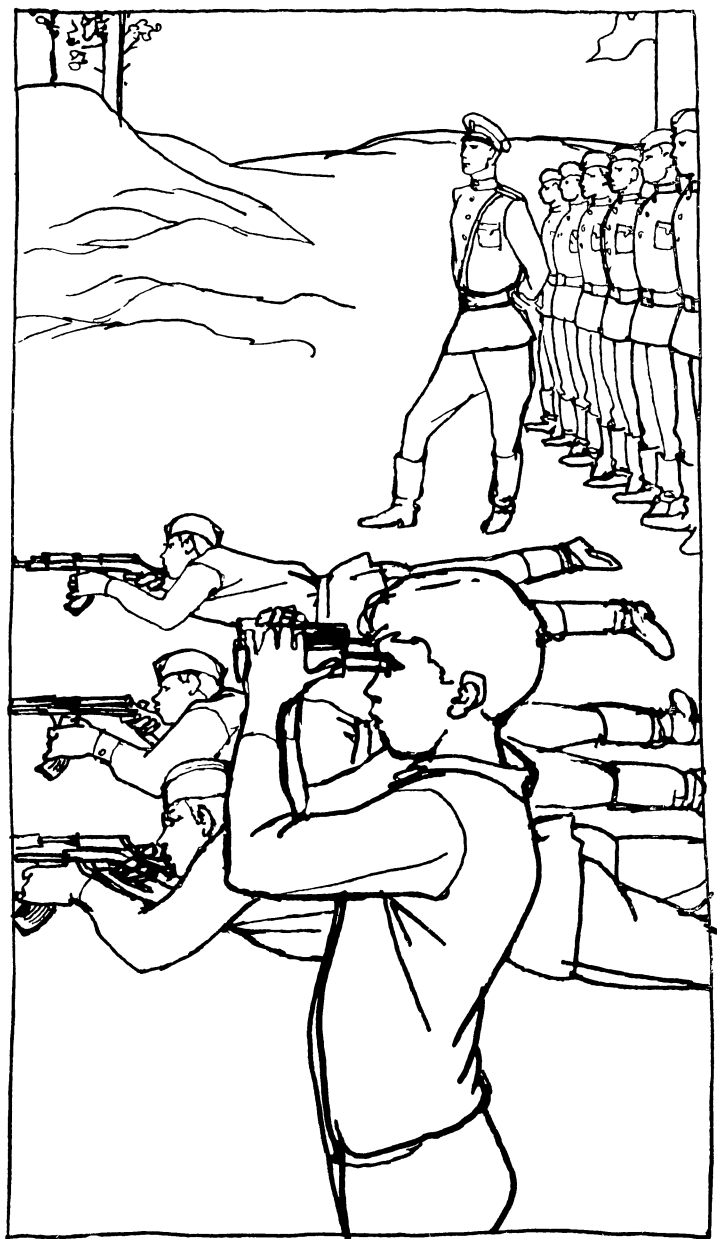
Неожиданно радостное возбуждение охватило Димку. Ему хотелось говорить о Лебедеве, не терпелось рассказать, что это он, Димка, первым увидел в бинокль бегущего солдата и первым догадался, что это Лебедев. Рассказать о том, как испугался он сначала, когда Лебедев лежал не двигаясь, и как обрадовался потом, когда понял, что с Лебедевым ничего не случилось...

Но всем было не до Димки. Он сунулся было к солдатам, но солдаты обсуждали происшествие между собой и не обратили на Димку никакого внимания. К отцу он не решался даже подойти — отец что-то сердито выговаривал молоденькому лейтенанту.

«Почему они все такие сердитые?» — подумал Димка. Ему хотелось, чтобы все радовались вместе с ним. И чтобы он радовался вместе со всеми.

Тем временем дежурная машина уже пылила по дороге вокруг стрельбища — за Лебедевым.

«Наверно, Лебедеву теперь дадут отпуск, — подумал Димка. — За героические поступки солдатам всегда дают отпуск». И ему даже стало немножко грустно оттого, что Лебедев уедет,



«А еще, наверно, напишут о нем в газетах. И поместят его фотографию. Обычно в таких случаях пишут: «Отважный воин не назвал своего имени». Это звучит красиво. Но здесь так не получится. Потому что все знают, что Лебедев — это Лебедев».

Димка уже представлял, как пожмет отец руку Лебедеву и Лебедев ответит: «Служу Советскому Союзу!» И отец посмотрит в глаза Лебедеву и подумает: «Иногда я был неправ и несправедлив, я теперь понимаю, но с кем этого не бывает». Вслух он, конечно, ничего не скажет, но Лебедев догадается и так. И подумает в ответ: «Не надо вспоминать об этом, товарищ капитан. Я ведь тоже не всегда был прав. Но теперь это дело прошлое».

И Димка тоже промолчит. Он никому не скажет, что давно уже знал, что все должно было кончиться именно так. Пожалуй, ему все равно не поверят...

11

Сначала из машины выбрались шестилетний белобрысый Павел, сын начальника штаба, и первоклассница Нинка. Они вовсе не казались испуганными, даже наоборот — они явно были довольны тем, что прокатились на машине и теперь очутились среди солдат. Даже всеобщее внимание их нисколько не смущало.

Вслед за ними появился Лебедев.

Он улыбался — виновато и неуверенно. Он даже не подмигнул Димке, как обычно, лишь скользнул взглядом по его лицу и медленно, словно нехотя, пошел к центральной вышке, возле которой уже строилась рота. И только тогда скверное предчувствие вдруг шевельнулось в Димкином сердце...

Потом Димка видел, как стоял Лебедев перед строем.

Наверно, это очень неприятно — стоять вот так, когда сто человек смотрят на тебя, а ты один.

Димкин отец сказал:

— Ну, расскажите, Лебедев, роте, как это случилось.

Лебедев пожал плечами.

— Рассказывайте, рассказывайте, не стесняйтесь...

Лебедев молчал.

— Ну что же вы? Вы ведь всегда любили поговорить.

Лебедев по-прежнему переминался с ноги на ногу и молча смотрел вниз.

— Ну, хорошо. Тогда я могу рассказать за вас. Солнце, травка — все располагает к отдыху. Почему бы не позагорать? Вокруг никого, никто не увидит... Не так ли?

Лебедев неопределенно шевельнул плечами.

— Ну, а потом?

— А потом, — неожиданно сказал Лебедев, — я увидел их. Они были уже далеко... Я им крикнул... Они испугались и побежали... Я побежал за ними...

— Погодите, Лебедев. У вас была рация. Почему вы сразу не сообщили, что на стрельбище люди?

— Я сообщал... Но меня, наверно, не слышали...

— То есть как не слышали? Почему?

Лебедев замялся.

— Аккумуляторы у меня сели... — негромко проговорил он.

— Аккумуляторы сели... — тихо и отдельно повторил Димкин отец. — А раньше вы не догадались, что их надо зарядить? Вы не знали, что радиостанция не готова к работе? Или вы решили: сойдет и так, ничего не случится...

Лебедев молчал.

— А теперь вы бросаетесь под пули и думаете, мы будем восторгаться вашей храбростью? Нет, Лебедев, не будем. Восторгаться мы будем теми, кто добросовестно делает свое дело. Изо дня в день. Добросовестно и умело. Это, знаете ли, самое важное. И самое трудное. Можете вы это понять, наконец, или не можете?

— Могу, — сказал Лебедев печально.

И Димке стало так жалко его, словно это он сам, растерянный и поникший, стоял перед строем. Он даже закрыл на секунду глаза. Он всегда закрывал глаза, когда чувствовал, что вот-вот заплачет.

— За вашу халатность, Лебедев, вы будете наказаны, — сказал отец. Он сделал паузу и резко скомандовал: — Рота, смирно!

Солдаты шевельнулись и замерли. И Димка тоже вытянул руки по швам и замер.

Отец вскинул руку к козырьку.

— За халатное отношение к служебным обязанностям, — четко выговорил он, — которое едва не привело к жертвам, объявляю рядовому Лебедеву трое суток ареста.

— Есть трое суток ареста... — как эхо откликнулся Лебедев.

— Вольно, — скомандовал отец и шагнул к Лебедеву. — Что это у вас в руке? Покажите.

Лебедев разжал левую руку — на ладони у него лежала маленькая сплюснутая пуля.

— Это вы там... нашли? — помедлив, спросил отец.

— Да, — тихо сказал Лебедев.

Потом Лебедев вернулся в строй, и отец уже другим, будничным голосом начал говорить о стрельбах — кто и в каком порядке будет теперь стрелять.

А Димка отошел в сторону и сел на камень. Первый раз Димке хотелось побыть одному. Ему надо было о многом подумать...



ЭКЗАМЕН, КОТОРОМУ НЕТ КОНЦА

П о в е с т ь

1

Мы возвращались с отцом из школы.

Сначала вместе с нами шел Мишка Матвейчик, потому что Мишку хлебом не корми — дай только пройти рядом с военным, никогда он не упустит такую возможность.

Но потом Мишка свернул к своему дому, и мы остались с отцом вдвоем.

Даже назойливая Элька Лисицына деликатно приотстала. Впрочем, всем своим видом она показывала, что все прекрасно понимает, что не хочет нам мешать. Ну и пусть!

Мы не стали садиться в автобус, мы миновали автобусную остановку и пошли дальше пешком.

«Цок-цок, цок-цок» — цокали отцовские сапоги металлическими подковками по тротуару.

«Тук-тук, тук-тук» — постукивали каблуки моих ботинок.

Так мы шагали рядом, и я чувствовал, что теперь уже могу свободно рассказать ему обо всех своих переживаниях, обо всем, что случилось со мной, начиная с того самого дня, когда мы с мамой проводили его в Москву, или нет, позже — когда мы получили первое письмо из Москвы... или нет, даже еще позже — с того дня, когда я посмотрел в окно и увидел старшеклассников, играющих в волейбол...

2

Я посмотрел в окно на площадку, где старшеклассники играли в волейбол, и вдруг первый раз отчетливо понял, первый раз подумал всерьез о том, что очень скоро расстанусь со своим шестым «б», со своей партией у окна, на крышке которой кто-то еще до меня вырезал таинственное слово «чапа» — даже сквозь свежую краску проглядывали эти буквы. И с Мишкой Матвейчиком, моим соседом по парте, тоже расстанусь...

Когда я захватывал место возле окна, когда спорил и чуть не подрался с Ленькой Корпачевым, тогда я как-то совсем забыл, что скоро мне все равно придется проститься со своей партией. Стоило ли сражаться из-за нее? Тогда я думал только об одном — отстоять, захватить свое законное место — ведь оно принадлежало мне по праву — в пятом классе я весь год просидел здесь, почему же я должен был уступать его какому-то Леньке Корпачу, который никогда даже не нюхал места возле окна?

И пусть теперь, когда я уеду, Мишка передвинется на мое место, пусть тоже не уступает Леньке, надо сказать об этом Матвейчику, надо обязательно сказать, а то он человек добрый, сговорчивый, еще и уступит...

Отсюда, с моего места, хорошо видно всю спортивную площадку, а дальше — за школьной оградой — автобусную остановку, а еще дальше — красные и зеленые крыши двухэтажных домов с торчащими над ними антеннами. Если долго смотреть на эти антенны, то можно ясно увидеть, как колышутся и струятся возле них радиоволны и исчезают вдруг разом, точно вода, втянутая воронкой. Когда я однажды сказал Мишке, что своими глазами видел радиоволны, он засмеялся и спросил:

— А ангелов ты не видел? С крылышками?

А иногда в наш класс доносился отдаленный гул. Гул этот был едва слышим, едва различим — его улавливали лишь оконные стекла и начинали чуть-чуть подрагивать — и никто не догадывался, что это за гул, никто не обращал на него внимания, а я знал. Я знал: это танки, поднятые по тревоге, выходят на учения. И еще я знал, что в такой день, вернувшись из школы, не застану дома отца...

«Наверное, уже принесли телеграмму», — подумал я теперь.

Еще утром мама сказала: «Сегодня обязательно должна быть телеграмма от папы. Обязательно».

Хоть бы поскорее кончились уроки! А то сидишь тут и ничего не знаешь...

— Серебрянников, ты о чем задумался? Надо смотреть не в окно, а на доску. На окне ничего не написано. Серебрянников, кому я говорю?

Мишка Матвейчик толкнул меня в бок. Я вскочил.

— Повтори, что я сейчас объясняла.

Анна Сергеевна, математичка, стояла возле самой нашей парты, так что рассчитывать на подсказку было нечего. Мишка уткнулся носом в тетрадь и не смотрел ни на меня, ни на учительницу. Он всегда так: за других переживает больше, чем за себя, для него нет хуже мученья, чем видеть, как гибнет на его глазах человек, а он даже не может помочь.

— Я жду, Серебрянников.

Я молчал.

— Ну что ж, Серебрянников, — сказала Анна Сергеевна, — я ставлю против твоей фамилии точку...

«Сейчас она скажет: а точка — это зародыш двойки», — подумал я.

— А точка, Серебрянников, это зародыш двойки, — сказала Анна Сергеевна. — И вообще мне не нравится, как ты ведешь себя последнее время. Если так будет продолжаться, боюсь, нам придется поссориться в конце четверти...

Я никогда не учился слишком плохо, никогда не был позором класса, но и отличником, украшением и гордостью класса тоже не был, случались в моем дневнике и тройки, и двойки, и замечания за поведение тоже попадались. Так что не впервые приходилось мне вот так стоять перед учительницей и выслушивать всякие неприятные слова.

Сколько раз, стоя вот так, я беззвучно уговаривал, умолял, гипнотизировал учительницу, чтобы она не ставила мне в дневник двойку или не записывала замечания!

И сколько раз я весь сжимался от молчаливого негодования, когда мне казалось, что поставленная двойка несправедлива!

Моя мама часто говорила, что мой отец — гордый человек, и я, конечно, рос в него — тоже гордым, мне вовсе не улыбалось быть хуже всех. Даже не двойка сама по себе меня всегда огорчала и расстраивала — подумаешь, двойка! — я знал, что рано или поздно ее исправлю. Гораздо больше мне не нравилось все то, что неизменно двойку сопровождало. Двойка как бы давала право каждому, кто только хотел, у кого только появлялось желание, ругать меня, отчитывать и стыдить — вот что было противней всего!

Но сегодня я смотрел на Анну Сергеевну совершенно спокойно, даже с чувством некоторого превосходства, словно это я вдруг превратился в учителя, а она стала моей ученицей.

Я знал кое-что, чего не знала она.

Мне было весело и даже немного неловко слушать ее — как будто я невольно обманывал ее, пользовался ее неведением, и я, наконец, смилостивился и сказал небрежно:

— Анна Сергеевна, нам не придется с вами ссориться. Я, пожалуй, и не доучусь до конца четверти.

— Это почему же?

— А они в Москву уезжают! У него папаша в академию поступает! — сообщила Элька Лисицына, дочь

командира второго батальона, главная выскочка в нашем классе.

Почему-то считается, что выскочками бывают обычно отличники, на то они и отличники, но вот Лищицына была самой захудалой троечницей, а все равно всегда и везде лезла вперед.

Ребята сразу повернули головы и смотрели на меня с завистью и интересом. Может быть, они завидовали тому, что мы поедем в Москву, а может быть, тому, что теперь я, и правда, вроде бы совсем свободен, могу и не учить уроки.

— Ну и что же, что уезжают? — спокойно сказала Анна Сергеевна. — Учиться-то все равно нужно. Не в одной школе, так в другой. Какая разница. И тем более, Серебрянников, пока ты сидишь еще за партой в нашей школе, будь добр, води себя, как полагается.

Она ровным голосом проговорила все, что должна была проговорить, но сделала это как-то уж слишком спокойно, даже вяло, наверно, и сама понимала: какой теперь спрос с меня, с вольного человека?

— Ладно, садись, Серебрянников, и больше не отвлекайся, — сказала, наконец, Анна Сергеевна.

И я сел. А Мишка Матвейчик сразу ожил, повеселел и зашептал мне в ухо:

— Когда ты уедешь, мы письма будем писать друг другу, правда?

— Правда, — сказал я обрадованно. Раньше я никогда никому не писал писем.

— А давай сейчас попробуем! — сказал Матвейчик.

— Что попробуем?

— Ну, письма писать поупражняемся. Как будто ты уже уехал!..

У Мишки был нетерпеливый характер, и если ему приходила в голову какая-нибудь идея, ему надо было немедленно осуществить ее. Не дожидаясь моего согласия, он уже вырвал лист из тетради и приготовился писать.

— Давай, начали! А потом ты пошлешь мне, а я — тебе. И мы будем читать.

Я подумал, что так, пожалуй, быстрее пройдет время до конца урока, и тоже вырвал тетрадный листок.

«Миша, привет! — написал я, подумав. — Какая у вас погода? У нас погода хорошая...»

Дальше я не знал, что писать, и мне сразу расхотелось играть в письма — было что-то девчоночье в этой игре.

Я заглянул в Мишкин листок.

«Здравствуй, Жека! С горячим к тебе приветом, твой бывший одноклассник Миша Матвейчик, — старательно выводил Мишка. — Какая у вас погода? У нас погода хорошая...»

Я засмеялся.

Наверно, я громко засмеялся, потому что Анна Сергеевна обернулась от доски и стала пристально смотреть на меня. Но тут прозвенел звонок, и все повскакали с мест.

После уроков я сразу отправился домой.

Я прошел через спортплощадку, мимо сваленных в кучу портфелей, мимо ребят, спорящих, кому в какой команде играть.

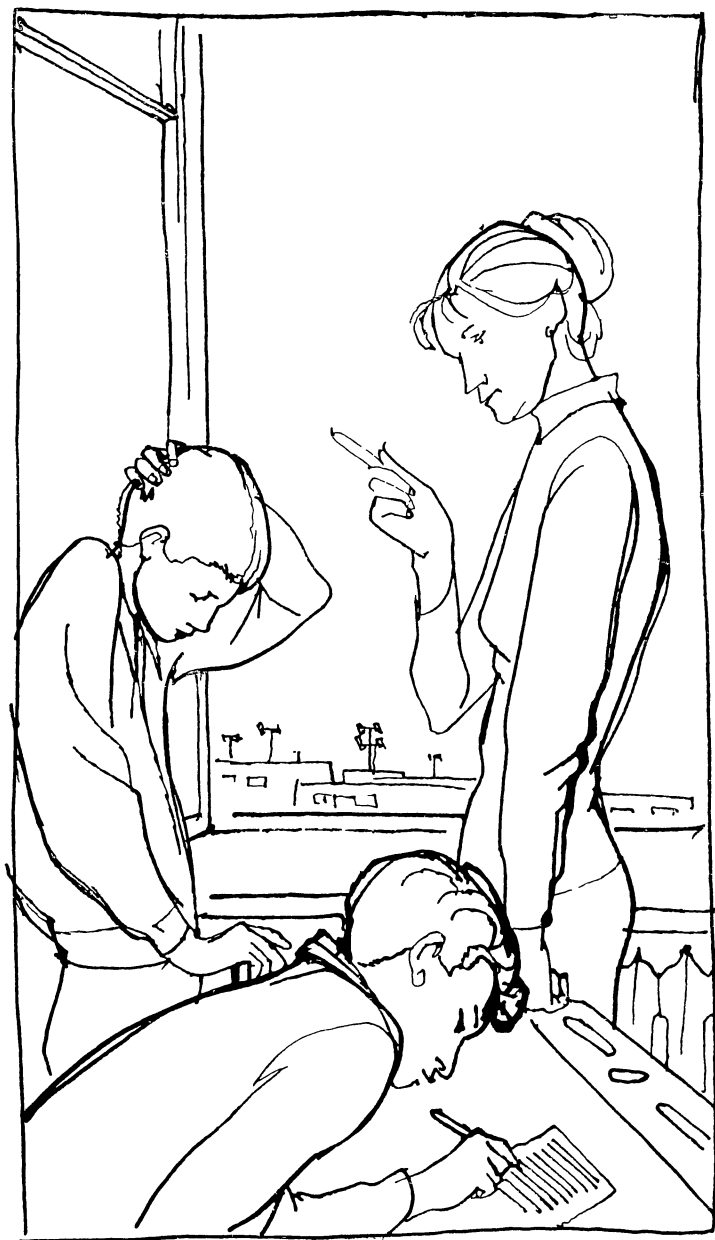
— Жека, ты куда? — закричали они, перестав спорить.

Я неопределенно махнул портфелем.

Они ничего не поняли. Они не знали, что сегодня я уже простился со школой и с этими тоненькими деревьями, которые мы сажали два года назад, и со спортплощадкой, где мы всегда гоняли в футбол, несмотря на строгий запрет нашего физкультурника, и с ними — своими одноклассниками — тоже простился. Пусть даже мне придется еще не раз являться сюда — все равно я уже простился. Все, что еще даже вчера было для меня важно и значительно, теперь как бы отступило и не казалось уже ни важным, ни значительным — потому что уже другие мысли — как будет на новом месте, что ждет меня там — занимали меня. И теперь я торопил, подгонял время, как подгоняешь его, когда ждешь не дожدهшься своего дня рождения...

На автобусной остановке, уже возле военного городка, я столкнулся с лейтенантом Загорулько.

Этот лейтенант Загорулько — веселый человек. И шумный. И в самодеятельности он выступает так, что живот надорвешь от смеха, — может изобразить кого угодно: хоть Аркадия Райкина, хоть Сергея Фи-



липпова. Но я, когда вижу его, всегда стараюсь обойти стороной, стараюсь не попадаться ему на глаза. Никогда он не поговорит со мной нормально, а все с какими-то усмешечками и насмешечками, придумывает мне какие-то дурацкие прозвища, вроде «Джека-потрошителя», и вообще обращается со мной, как с младенцем. Еще он всегда делает вид, будто ужасно рад, что встретил меня, хотя что ему особенно радоваться? Любит дразнить, а у самого фамилия — Загорулько. Будь у меня такая фамилия, я бы и рта не раскрывал, сидел бы и помалкивал...

Вот и сейчас, увидев меня, лейтенант сразу закричал:

— Ну что, брат, без отца, наверно, полный портфель двоек нахапал? Ни с кем не поделился? Пороть-то некому! А?

Голос у лейтенанта был громкий, и все на остановке сразу посмотрели на меня, на мой набитый портфель и засмеялись. Хотя, конечно, Загорулько прекрасно знал, что отец никогда меня и не думает пороть, даже пальцем не трогает.

— Ну, а папаня твой еще не провалился с треском на экзаменах? Не прислал еще депешу: «Сижу на пустом месте — высылай двести»?

И что мой отец никогда нигде не проваливался с треском, что он всегда был лучшим командиром роты, и лучшим стрелком, и лучшим спортсменом, лейтенант Загорулько тоже прекрасно знал. А все-таки болтал всякие глупости. Только испортил мне настроение.

Я бы, наверно, так и явился домой с испорченным настроением, если бы не встретил, уже идя через военный городок, сержанта Колю Быкова. Вот человек — совсем другое дело, не то что лейтенант Загорулько.

Коля Быков возвращался из танкового парка, был он в черном рабочем комбинезоне, пахнущем бензином, и руки у него были черные-черные, перемазанные маслом и гудроном. Я всегда завидовал таким рукам. Мне всегда хотелось, чтобы у меня были такие руки.

И конечно, он тоже спросил меня об отце. Я уже привык, что последние дни меня все обязательно спрашивали об отце.

— Сегодня телеграмма должна быть, — сказал я.

— А-а... Жаль будет расставаться с твоим батюшкой...

Он немного еще помолчал, постояв рядом со мной, и потом пошел к казарме.

А я пошел домой.

Телеграмму от отца еще не приносили. Мама нервничала, сердилась.

— Вечно он так — как святой, — говорила она. — Занят делами. А мы для него ничего не значим. Ну что, трудно ему дойти до почты, отбить телеграмму?

Я молчал.

Мне, конечно, тоже очень хотелось поскорее получить известие от папы, но я был уверен, что у него есть заботы поважнее, чем рассылать телеграммы. И вообще я давно уже убедился: в подобных случаях мне лучше всего помалкивать. Когда мама начинает ругать отца, в конце концов обязательно достанется и мне. Потому что я «весь в отца». Тем более, что отец сейчас далеко, а я здесь, рядом.

Я боялся, что мама поинтересуется моими школьными делами, и тогда уж мне влетит под горячую руку, но сегодня ей было не до этого. Она даже не спросила меня, как обычно вечером, выучил ли я уроки. И я окончательно почувствовал себя свободным человеком.

С этим прекрасным ощущением я и уснул.

Сколько я проспал, не знаю, по-моему, очень недолго.

Я вдруг проснулся, и проснулся так неожиданно, что даже никак не мог понять сначала, что проснулся, — мне казалось, что я все еще сплю и мне снится, будто я проснулся.

Я увидел, как из соседней комнаты под дверью пробивается узкая полоска света, и слышал голос отца.

Я быстро сел на кровати и прислушался.

Яркая полоска по-прежнему светила под дверью, но теперь там, во второй комнате, было тихо.

Приснилось... Значит, все-таки приснилось...

Но тут же вдруг я снова услышал голоса: совсем тихий — мамин и чуть погромче — отца.

Я отшвырнул одеяло и босиком, в трусиках ринулся в соседнюю комнату.

Я бросился отцу на шею, я барабанил его кулаками по широкой спине и твердил:

— Почему меня не разбудили? Почему не разбудили? Жалко было, да?

— Женя, иди в постель, — сказала мама. — Холодно, простудишься. Завтра папа все расскажет.

— Почему завтра? Тебе сегодня, а мне — завтра? Хитренькая!

— Женя, папа устал...

Я посмотрел на маму, потом перевел взгляд на отца, потом снова на маму и вдруг сразу понял: что-то произошло, что-то случилось!

У них, у обоих, был такой вид, какой бывал только тогда, когда они ссорились. Вернее, даже не тогда, когда ссорились, а когда ссора уже оставалась позади и они уже готовы были примириться, но еще все-таки не примирились. Оба они сидели с какими-то напряженными, смущенными лицами.

— Иди, Женя, иди... — повторяла мама.

Но я не ушел.

Я только торопливо натянул тренировочный костюм, сунул ноги в тапочки и остался сидеть. Почему я должен был уходить? Почему я должен был ждать до завтра?

— Ладно, — сказал отец. — Завтра, сегодня — какая разница. В общем, брат, плохим твой отец оказался сдавальщиком экзаменов. Никуда не годным... — Отец сделал неловкое движение головой, точно кивнул, и вдруг улыбнулся. — Вот какое дело...

Я поглядел на маму. Я подумал, что он шутит.

— Да, Женя, — голосом без всякого выражения сказала мама, — папу не приняли в академию. Он не прошел по конкурсу.

Мама говорила серьезно, она не улыбалась, как отец, и все-таки у меня еще оставалась надежда, что они оба сговорились и теперь разыгрывают меня, как маленького. А потом оба расхохочутся, когда увидят, что я поверил.

— Ну да! — сказал я нерешительно. — Все вы сочиняете...

И тут мама вдруг рассердилась.

— Довольно, Женя, — сказала она. — Живо в кро-

вать! Тебя только здесь не хватало! Дай мне поговорить с папой!

Отец еще улыбался, глядя на меня, но лучше бы он не улыбался такой улыбкой!

Я понял, что никто не собирался меня разыгрывать и все, что я услышал сейчас, правда.

Я встал и поплелся к себе в комнату.

Они могли заставить меня уйти, но никто не мог заставить меня уснуть, и никто не мог заставить меня зажать уши. Я лежал в темноте, и обрывки разговора доносились до меня из-за закрытой двери.

Я слышал голос отца — мама либо молчала, либо говорила так тихо, что я ничего не мог разобрать. А отца я слышал...

— Понимаешь, — говорил он, — это здесь меня убедили, уверили, уговорили: мол, ты лучший командир роты, лучший, лучший... Я и успокоился. Вроде лучше меня никого и нет. А там таких, как я, десятки. Это здесь мой портрет в аллее Почета всем в глаза бросается. А там у меня в личном деле обычная фотокарточка — как у всех. Портрет-то здесь остался. Там тот лучший, кто экзамены на пятерки сдает... — Он замолчал и молчал довольно долго, а потом сказал неожиданно — с горечью, почти с отчаянием: — Как я завтра пойду на работу — не знаю! Не могу! Не могу представить! Ведь, знаешь, я сегодня пять часов торчал на вокзале, темноты дожидался — стыдно было идти днем через городок...

Так вот почему он появился ночью, в неурочное время!

Я представил себе, как отец, мой отец, прячется на вокзале, как боится встретить кого-нибудь из знакомых, и мне стало не по себе. Я чуть не заплакал.

Я лежал тихо-тихо, не шевелясь; если бы даже отец вошел сейчас сюда и увидел, что я не сплю, я бы ни за что не признался, что слышал его последние слова. Скорей бы умер, чем признался.

Взрослые часто говорят: «Я вчера так расстроился, что не мог уснуть всю ночь...» или: «У меня бессонница на нервной почве...» Так, во всяком случае, уверяла моя бабушка, когда мы в прошлом году гостили у нее. И я теперь был убежден, что сегодня ни за что не смогу уснуть.

И все-таки я заснул.

Я сам не заметил, как заснул, и проспал до самого утра, ни разу больше не проснувшись. И даже сны в эту ночь мне не снились. Уж лучше бы они мне снились. Лучше бы все, что я слышал сегодня ночью, оказалось сном. Тогда бы, проснувшись, я просто pokrutil головой, — я всегда поступал так, чтобы отделаться от страшного сна, — и все бы прошло. И утром бы принесли телеграмму от отца. И мы бы с мамой поехали на вокзал встречать его.

Но ничего такого, конечно, не случилось.

Утром я открыл глаза и увидел отца.

Отец ходил по комнате и брился бритвой «Спутник», которую мы с мамой подарили ему на 23 февраля.

— Подъем! Женька, подъем! — скомандовал он, как обычно, как командовал всегда по утрам.

Но сейчас он сказал это машинально, скорее просто по привычке, я был уверен — он бы даже не заметил, если бы я не встал.

Обычно я любил подольше поваляться в постели, пока отец не устраивал мне «государственный переворот» — он переворачивал меня вместе с матрасом, так что я сразу оказывался на холодной металлической сетке, и мне ничего не оставалось, как только подниматься. Но сегодня я вскочил сразу: я понимал, что отцу не до меня, хотя и он, и мама старательно делали вид, будто ничего особенного не случилось, будто все идет, как надо. Кого они хотели уверить в этом? Меня, что ли? Или, может быть, самих себя?

Я-то видел, что отец сегодня молчаливее, чем обычно, и на часы поглядывает чаще, точно школьник, когда истекает время контрольной и вот-вот прозвенит звонок и надо сдавать работу... А мама суетилась больше, чем всегда, и все задавала отцу какие-то пустячные вопросы, все переспрашивала, не забыл ли он ручку, не надо ли планшет, приготовил ли плащ... Будто он первый раз собирался на службу. Или будто это вовсе не отец собирался, а я, потому что это я вечно что-нибудь забываю или что-нибудь не то засовываю второпях в портфель.

А я сегодня вел себя тихо, незаметно, словно бы меня и не было вовсе.

В окно я видел, как прошли мимо нашего дома майор Городецкий, папин комбат, и лейтенант Загорулько. Обычно отец секунда в секунду точно в этот момент выходил из дому и присоединялся к ним, и они уже втроем шагали к штабу.

А тут отец нарочно приостановился у двери — ждал, когда они пройдут. Офицеры взглянули на наши окна и пошли дальше — они ведь еще не знали, что он вернулся. А отец все стоял в передней, не двигаясь, точно прислушивался, что делается там, за дверью.

— Ладно, — сказала мама негромко и положила руки ему на плечи. — Не мучай себя. Что же теперь делать.

И тогда отец решительно толкнул дверь и пошел не оглядываясь. Я видел, как шел он по улице — широкоплечий, подтянутый, я глядел ему вслед до тех пор, пока он не скрылся за поворотом.

И только тут я вдруг вспомнил о школе, и подумал:

«А я? А как же теперь я?»

3

— Ты знаешь, куда пойди первым делом? — сказал мне Миша Матвейчик. — Первым делом жми в бассейн. Я читал в журнале, в Москве есть такой бассейн, законный, прямо под открытым небом. На улице мороз тридцать градусов, а люди купаются себе преспокойно. Правда, здорово?

— Правда, — сказал я. — Правда.

Я никак не мог набраться решимости и сказать Мишке, что ни в какой бассейн я не попаду, ни в какую Москву я не поеду. Несколько раз собирался и не мог. Это как прыгнуть в воду с вышки: если не прыгнешь сразу, то потом, сколько ни подходи к самому краю, все уже зря — с каждым разом все труднее сделать последний шаг. А кроме того, стыдно признаться, но в глубине души я по-прежнему надеялся, что все еще может измениться каким-то чудесным образом.

Сегодня еще никто в школе не знал о моем позоре, даже Элька Лисицына еще ничего не пронюхала, а

она-то все всегда узнавала первая. Больше всего на свете Элька любит поговорить о взрослых делах — кого куда переводят, кого собираются повысить в звании, кого снимают с должности — ей до всего есть дело, все интересно. Сегодня она молчит, потому что ничего еще не знает, а завтра, завтра-то ей все будет известно, завтра она растрезвонит всем о бесславном возвращении моего отца, в этом можно не сомневаться. Да и без Эльки ребята все равно узнают — один я, что ли, из военного городка хожу в школу?

— А еще, — сказал мне Мишка шепотом, — я бы в метро пошел кататься. Там, говорят, за пять копеек можно кататься хоть целый день — не то, что у нас в автобусе. Не знаю, может, и врут. Ты проверь обязательно. Счастливый ты!

Знал бы он, какой я счастливый! Всю жизнь, сколько я себя помню, я всегда гордился своим отцом, а теперь...

— Серебрянников! — сказала Анна Сергеевна. — Я вижу, что хоть ты еще и не уехал, но на моих уроках отсутствуешь...

Значит, и она помнит. А у меня еще теплилась слабая надежда, что, может быть, все в классе забудут, как я распространялся вчера о своем отъезде.

Теперь завтра Анна Сергеевна скажет: «Что ж удивительного, выходит, ты берешь пример с отца...» Или что-нибудь в этом роде. Конечно, я знал, что ничего подобного она никогда не скажет, но ведь может сказать, если захочет. Одна эта мысль была для меня невыносима.

На другой день я не пошел в школу.

Сначала я болтался в скучном, осеннем лесу, что начинается сразу за военным городком, потом вышел к речке.

Летом, когда жарко, здесь собирается много народа, здесь бывает весело и шумно, а сейчас было пустынно.

Конечно, я мог сесть в автобус и поехать в город, но я опасался встретить в автобусе кого-нибудь из учителей, или кого-нибудь из наших знакомых, или кого-нибудь из офицеров, кто меня знает.

По речке, выскочив из-за поворота, пронеслась байдарка. Одинокая, она летела легко и стремительно, и

мне сразу захотелось уехать куда-нибудь далеко-далеко. Вот бы сесть в танк и помчаться, пусть попробует кто-нибудь остановить! Танк прогрохочет мимо школы, и все ребята переполошатся и станут смотреть в окна. А танк помчится дальше.

Такие чепуховые мысли приходили мне в голову. Мне совсем не хотелось болтаться вот так — одному. И скучно, и холодно, и тоскливо — ничего интересного в этом не было. Но что мне теперь было делать?

Я пропустил и второй день, и третий...

Ни мама, ни отец ничего не подозревали. Отцу было, конечно, не до меня, и без моей персоны у него сейчас хватало забот, с утра до вечера он пропадал в своей роте, а маме и в голову не приходило, что ее сын пропускает уроки. Я же отправлялся утром из дома с портфелем, как всегда.

На что я надеялся? На что рассчитывал?

Не знаю.

Авось... Вдруг... Мало ли что бывает...

Я не представляю, чем бы все это кончилось и сколько бы я еще прогуливал уроки, но на четвертый день утром, когда я уже взял в руки портфель и собирался выйти из дома, на пороге нашей квартиры возникла Элька Лисицына.

— Здравствуйте, Маргарита Николаевна, доброе утро, — очень вежливо сказала она моей маме, но я, конечно, сразу догадался, что пришла она вовсе не для того, чтобы только поздороваться с моей мамой.

Я прекрасно представлял, что именно она сейчас скажет. И все-таки я не стал делать ей никаких предостерегающих знаков, я даже не шевельнулся, у меня не было ни малейшего желания унижаться перед ней, а потом я хорошо знал, что никакими предостерегающими знаками Эльку Лисицыну не остановишь.

У меня была еще возможность — сразу выскользнуть на улицу, пусть бы Лисицына объяснялась с моей мамой наедине, без меня, но я переборол себя и не сдвинулся с места. Будь что будет.

— Серебрянников, — сказала Элька, — мне Анна Сергеевна поручила узнать, почему ты не ходишь в школу?

Я быстро взглянул на маму. Я увидел, как удивленно расширились у нее глаза. Вся она как-то резко

выпрямилась, и я ждал, что сейчас она закричит, сейчас начнет ругать меня при Эльке, и тогда уж мне останется лишь пойти и утопиться.

Но мама не закричала, она только выразительно поглядела на меня и сказала:

— Но сегодня ты ведь идешь в школу?

— Да, конечно, — торопливо сказал я. — Идем, Элька, а то опоздаем...

И мы пошли — я и мой конвоир Элька Лисицына.

Однажды — это было еще в третьем классе — я болел скарлатиной и долго лежал в больнице. И когда потом я вернулся в школу, я был еще слабым и тихим, я чувствовал себя робко и неуверенно, совсем как новичок. И вот теперь у меня было опять такое же состояние, словно я возвращаюсь в класс после долгой тяжелой болезни. Так что я был не очень далек от истины, когда сказал Анне Сергеевне, что болел эти три дня, и даже пообещал принести завтра записку от матери. Хотя я не очень хорошо представлял себе, как смогу добыть эту записку, потому что догадывался, что ждет меня сегодня дома.

И я не ошибся.

Вечером у нас состоялся семейный суд.

Отец был как бы главным судьей. Мама — и обвинителем и свидетелем одновременно. Только защитников, естественно, у меня не было.

Правда, разговор со мной отец начал вполне мирно и даже шутливо, и, если бы я сразу покаялся, все бы, наверное, кончилось быстро и благополучно, но на меня вдруг накатило упрямство, просто какое-то упрямое безразличие, и я молчал.

— Ну-с, — сказал отец, — какие еще фортели ты намерен выкидывать? Посвяти, пожалуйста, нас с мамой в свои секреты.

В общем-то, я думаю, ему было не до шуток, и мне тоже — зачем же он разговаривал со мной таким тоном, словно лейтенант Загорулько?

Я ничего не ответил. Что я мог ответить?

— Ну что ж, помолчи, помолчи. Я подожду, — сказал отец.

— Ему просто нечего говорить. Разве ты не видишь? — сказала мама. — Прогулял три дня и еще улыбается. Как святой.

Это была неправда. Я не улыбался. Я просто молчал.

— Дай-ка дневник, — сказал отец.

Я принес дневник. В дневнике у меня все было в полном порядке — одна четверка по английскому и ничего больше. За дневник я был спокоен.

— Та-ак... — сказал отец.

— Я теперь не знаю, чему верить, — сказала мама. — Может быть, он уже и отметки подделывает?

— Ну уж! — сказал я. Зря я не удержался.

— А что «ну уж»? Что «ну уж»? — сразу закричала мама. — Вчера ты обманывал меня и не ходил в школу. Завтра будешь подделывать отметки в дневнике — что тут удивительного?

Я опять замолчал. Мне нечего было возразить.

— Ну вот что, братец, — сказал отец. — Я хочу, чтобы ты членораздельно объяснил: почему ты не ходил в школу? Были же у тебя какие-то причины?

— Какие у него причины! — сказала мама. — Связался, наверно, с плохой компанией!

— Так в чем же дело? — повторил отец.

Неужели он сам не понимал, в чем дело? Неужели так трудно было догадаться?

Не мог же я рассказать ему, что сегодня на переменах я даже не выходил из класса — боялся, что меня начнут расспрашивать об отце! Не мог же я рассказать ему, как на уроке литературы, когда учительница вдруг произнесла слово «академия», у меня тут же ухнуло и полетело вниз сердце, потому что мне показалось, что в тот момент все разом посмотрели на меня и подумали о моем отце, и я долго еще не решался поднять глаза, хотя, конечно, то, о чем говорила учительница, не имело никакого отношения ни ко мне, ни к моему отцу... Мог ли я теперь рассказать ему об этом?

— Значит, будем молчать? — спросил отец. — Не думал я, что ты такой упрямый.

— Утром я промолчала, пощадила его при Эле, — сказала мама, — хотя у меня было такое состояние, будто меня ошпарили. Но я промолчала. Думала, что он оценит. А он не понимает, оказывается, когда с ним обращаются по-человечески...

Не надо было ей сейчас говорить об этом, не надо.

Я все понял, я все оценил, тогда утром я готов был расцеловать мою маму, но зачем теперь она сама напоминала об этом?

— Язык ты, что ли, проглотил? — уже раздражаясь, сказал отец. — Долго мы еще будем играть в молчанку?

— У папы и так неприятности на работе, — сказала мама, — а ты...

И тут я не выдержал.

— А что, я виноват в этом, что ли? — сказал я.

— Как ты смеешь так говорить с отцом! — закричала мама. — Замолчи сейчас же!

— Пожалуйста, — буркнул я. — То говори, то молчи...

— Не смей хамить матери, — сказал отец.

Я и сам понимал, что грублю, и грублю напрасно, зря, но уже не мог остановиться. И правда, разве я был виноват в отцовских неприятностях? Разве я ездил в Москву? Разве я не попал в академию? Разве я сдавал экзамены? Почему, когда я приношу двойку, никто мне не говорит: «Не трогайте его, не беспокойте, у него и так неприятности в школе...»

— Могу и совсем не разговаривать! — сказал я.

— Убирайся к себе в комнату! — крикнула мама. — И подумай как следует о своем поведении!

Вообще мама нередко кричит на меня и говорит всякие ругательные слова, не церемонится со мной, но и отходит, успокаивается потом быстро, а вот отец, если рассердится, это хуже, это надолго.

Я посмотрел на отца — не скажет ли он еще что-нибудь. Но он молчал.

Тогда я пожал плечами и пошел к себе в комнату.

Я взял с полки веселую книгу про капитана Врунгеля и стал читать. Может быть, я и правда бесчувственный человек, как говорит иногда моя мама, но сейчас не хотелось мне думать ни о чем серьезном.

Я слышал, как в соседней комнате совсем тихо, почти шепотом, разговаривали между собой мои родители. Наверно, советовались, что делать со мной дальше.

Не успел я выскочить на большой перемене из класса, как столкнулся с нашей пионервожатой Людой.

— Серебрянников, — сказала Люда, — ты не забыл?

— Что? — спросил я.

— Как что? Пригласить своего отца! Мы же договаривались!

Только этого мне сейчас и не хватало!

Я, и верно, совсем забыл. Времени-то прошло дай бог сколько! Это еще в прошлом году мы придумали — приглашать на наши сборы по очереди своих родителей. И пусть каждый расскажет самую интересную историю из своей жизни. Я тогда кричал громче всех, я даже не против был, чтобы мой отец выступал самым первым. Не мог же я тогда знать, что все так обернется.

— Он не может, — сказал я Люде.

— Почему это?

— Потому что не может, — повторил я. — Он сейчас очень занят.

— Но мы же договаривались!

— Мало ли что договаривались! А теперь у него есть дела поважнее, понятно?

— Понятно, Серебрянников. Это несерьезный разговор, — тоном учительницы сказала Люда. — Я сама поговорю с твоим отцом.

— Пожалуйста! — Я пожал плечами. — Никто не запрещает.

Вот как все получалось теперь — шиворот-навыворот. События, которых я раньше ждал бы с нетерпением и радостью, теперь приносили мне одни огорчения, стыд и неприятности.

Я был уверен, что Люда не доберется до моего отца, постесняется его беспокоить, но она оказалась настойчивей, чем я думал.

Люда все-таки позвонила отцу по телефону. Правда, сделала она это не сразу, и прежде чем этот телефонный звонок раздался в нашей квартире, произошли еще некоторые новые события...

В воскресенье с утра ко мне в гости явился Миша Матвейчик. Миша всегда немного завидует мне. Миша уверен, что если бы он жил, как я, в военном городке, если бы отец у него был капитаном, командиром роты, он бы целые дни проводил возле танков. Наверно, Мишке казалось, что танкисты только и делают, что все время палят на стрельбище из пушек, строчат из пулеметов или водят свои танки через всякие препятствия.

Я-то хорошо знаю, что это не так. Я-то хорошо знаю, что чаще всего с утра до вечера танкисты возятся в парке, в танковых боксах, где стоят их машины, стучат тяжелыми кувалдами, орудуют гаечными ключами, кистями и тряпками, дышат запахом бензина и краски и морщатся от едкого сизого дыма, который даже у самых привычных солдат вышибает слезы... И все это потому, что каждый танк должен быть в полной боевой готовности. Должен быть как новенький.

Уж я-то насмотрелся на работу танкистов! Меня танками не удивить! Мама даже рассказывает всем нашим знакомым, будто первое слово, которое я произнес в своей жизни, было слово «танк». Не знаю, правда это или нет, но сколько я себя помню, столько помню и танки. Раньше, когда я был поменьше, я почти каждый день бегал к танкам, а теперь — реже. Теперь меня больше волнует, как бы пробраться вместе с солдатами в клуб посмотреть картину, на которую дети до шестнадцати не допускаются. А танки от меня не убегают, танки всегда рядом.

И все-таки, если говорить честно, танки я люблю не меньше, чем Мишка Матвейчик, смешно даже сравнивать. Уж если я приду в парк, так могу хоть десять часов подряд смотреть, как натягивают солдаты гусеницу, или прогревают мотор, или проверяют радиоаппаратуру. А солдаты разрешают мне забраться в кабину и посидеть за рычагами, посмотреть в прицел, подержаться за рукоятку пулемета. Даже командира полка я не боюсь, хотя его все побаиваются — когда он видит меня среди солдат, он всегда посмеивается и говорит: «А, будущий танкист! Правильно, правильно,

привыкай! Нам нужны хорошие солдаты». И никогда не прогоняет меня.

В то воскресенье, когда явился ко мне Мишка, отца дома не было — он ушел проводить дополнительные занятия с солдатами. Как-никак, а пока он был в Москве, пока сдавал свои экзамены, рота оставалась без настоящего командира, и теперь отцу приходилось наверстывать упущенное. А кроме того, надвигались какие-то учения или проверка, кажется, даже комиссия какая-то очень важная должна была приехать — так я слышал от Эльки Лисицыной, и теперь все готовились к этому событию.

Я знал, что Мишка, раз уж он пришел ко мне, рано или поздно обязательно потянет меня к танкам, и поэтому я сразу повел его в парк.

Но дежурный по парку старшина-сверхсрочник не пустил нас туда — сказал, что все опечатано и закрыто и делать там совершенно нечего, хотя я своими ушами слышал, как доносилось оттуда тарахтенье мотора. Просто вредный был этот старшина, хотел показать свою власть. Я бы, конечно, еще поспорил с ним, но Мишка сразу перетрусил, засмутился, потянул меня за рукав. Для Мишки ведь что старшина, что генерал — все одинаковые начальники.

Тогда мы направились к учебным классам — разыскивать моего отца. Уж он-то нас, конечно, не прогонит. Вообще мои родители любят, когда ко мне приходит Матвейчик, потому что он тихий и вежливый. Если бы я вдруг сделался похожим на него, они были бы только довольны.

Ладно, пусть старшина стережет свой парк, в учебных классах есть штучки еще поинтереснее! Там есть, например, тренажер, на котором солдаты учатся водить танк. Рычаги, педали — все, как в настоящей машине. Ты сидишь за рычагами, а перед тобой макет танкодрома: и крошечный противотанковый ров, и всякие другие препятствия — точно, как на настоящем танкодроме. И по этому игрушечному танкодрому бежит игрушечный танк. Тронешь левый рычаг — и маленький танк послушно побежит влево, тронешь правый — вправо, скинешь обороты — и он замедлит ход, прибавишь — и он увеличит скорость. Жаль только, что нас, пацанов, и близко не подпускают к этому тре-

нажеру. Боятся, что сломаем. Я только один раз и сидел за рычагами, и то отец наблюдал за мной. А есть еще тренажер...

— Мишка! — сказал я. — Пошли посмотрим, как солдат в танке затопляют!

— Как затопляют? — удивился Мишка.

— Очень просто. Водичкой. Затопят в танке и смотрят: кто сумеет выбраться — тому пятерка, а кто не сумеет — тому каюк.

— Ну да! — поразился Мишка. Он был доверчивым парнем, и я этим частенько пользовался.

— А зачем их затопляют?

— Надо. Вот, например, идет танк по дну реки, и вдруг — бах-ба-бах! — мотор заглох, или снаряд в гусеницу угодил, или еще что. Что тогда делать? Ну скажи, ты бы что стал делать?

— Выбрался бы из танка... — неуверенно предположил Мишка.

— Ха-ха! Ловкий какой! Умненький! Выбрался бы! А люк ты откроешь, да? На него вода знаешь как давит! Ни за что не откроешь. Затопить надо танк сначала, вот что! Давление сравнивается, и тогда, пожалуйста, открывай люк, понял?

— Понял, — сказал Мишка.

По его лицу я видел, что ему уже не терпится поскорее посмотреть все своими глазами.

Я уверенно толкнул дверь приземистого здания, хотя в душе опасался, как бы нас не турнули и отсюда. По опыту я уже знал, что, когда взрослые готовятся к приезду каких-нибудь комиссий, они становятся очень серьезными и сердитыми.

Но мне повезло. Именно здесь, оказывается, занимался сейчас мой отец со своими солдатами. Он взглянул на нас и улыбнулся Мишке.

— Ну что, братцы, обмакнуть вас? У нас это живо, в один момент!

Он шутливо потянулся к Матвейчику, и тот сразу, хихикая, попятился, хотя, в общем-то, Мишка, по-моему, был вовсе не против того, чтобы его обмакнули — по крайней мере, потом было бы чем похвастаться перед ребятами. Но отец тут же переключился, вернулся к своему делу и больше уже не обращал на нас внимания.

А Мишка завертел головой, с любопытством осматриваясь по сторонам.

Большую часть помещения занимал маленький бассейн в форме буквы «П» — узкий помост почти разрезал его на две равные части. В этом бассейне солдаты учились работать в противогазах под водой. Слева, в углу, возвышалось сооружение, похожее на танк с усеченной кормовой частью. Это и был тот самый тренажер, про который я рассказывал Мишке.

Возле тренажера толпились солдаты.

Солдаты были в трусах и в спасательных жилетах — как в панцирях. Широкие противогазные коробки были подвязаны у них высоко на груди, почти у самых ключиц, и вообще солдаты сейчас больше смахивали на аквалангистов или на исследователей иных миров — героев научно-популярных фильмов, чем на танкистов. Я даже не сразу узнал среди них моего знакомого сержанта Колю Быкова. Он первый подмигнул мне, и я тоже подмигнул ему в ответ.

Мишку сразу заинтересовало устройство противогаза, таких противогазов он еще никогда раньше не видел, но я его потащил к маленькому окошечку в броне тренажера.

Мы оба прижались носами к этому окошечку и сквозь толстое, похожее на слюду тусклое стекло различили там, внутри башни, словно в огромном аквариуме, фигуры солдат все в тех же спасательных жилетах и противогазных масках. Они шевелились, что-то показывая друг другу жестами, а внизу подле них, постепенно поднимаясь, плескалась вода.

— Затопляют! — прошептал Мишка.

Отец ударил по броне металлическим стержнем, и оттуда, изнутри, донесся приглушенный ответный звук. И от этого перестукивания мне вдруг сделалось жутковато. Совсем недавно я читал рассказ о затонувшей подводной лодке. Там точно так же водолазы перестукивались с уже умирающими, задыхающимися подводниками, наглухо замурованными в отсеках...

— Смотри! Смотри! — прошептал Мишка.

Вода медленно поднималась, вот она уже окутала солдат по пояс, вот скрыла противогазные коробки, вот коснулась подбородка самого низкорослого из солдат и поползла дальше, обволакивая лица в резиновых

масках. Еще минута — и вода лизнула снизу крышку люка. Струйки воды потекли сверху по броне.

В следующий момент крышка люка откинулась, и солдаты по одному, помогая друг другу, начали выбираться из люка. Они спрыгивали с брони и отряхивались, точно после купания где-нибудь на берегу реки. Маски они снимали быстро, но все же не настолько, чтобы кто-то мог подумать, будто им уже совсем неважно.

И в эту минуту я вдруг услышал позади, за спиной, раздраженный, срывающийся голос:

— Да задыхаюсь я в нем! Не могу — задыхаюсь!

Мы с Мишкой разом обернулись и у бассейна, возле самой лесенки, ведущей в воду, увидели высокого худого солдата. Солдат, вероятно, только что вылез из бассейна — снятая мокрая маска противогаза болталась у него на груди, с обвисших трусов стекала вода. Лицо его было мне знакомо, и не просто знакомо, как были знакомы лица почти всех танкистов из отцовской роты — нет, этого солдата я хорошо знал, я даже разговаривал с ним, только сейчас, сразу, я не мог вспомнить, где и когда.

— Не могу я дышать! Не дышится! — повторял он с озлобленной настойчивостью. — Я же, товарищ капитан, сразу почувствовал, что противогаз неисправен, и старшине сразу сказал. А он: «Ничего, — говорит, — надевайте...» Что же, теперь задыхаться я в нем должен?..

Солдат говорил торопливо и взволнованно и, кажется, не собирался останавливаться.

— Погодите, Морковин, — перебил его отец. — Вы в самодеятельности никогда не участвовали?

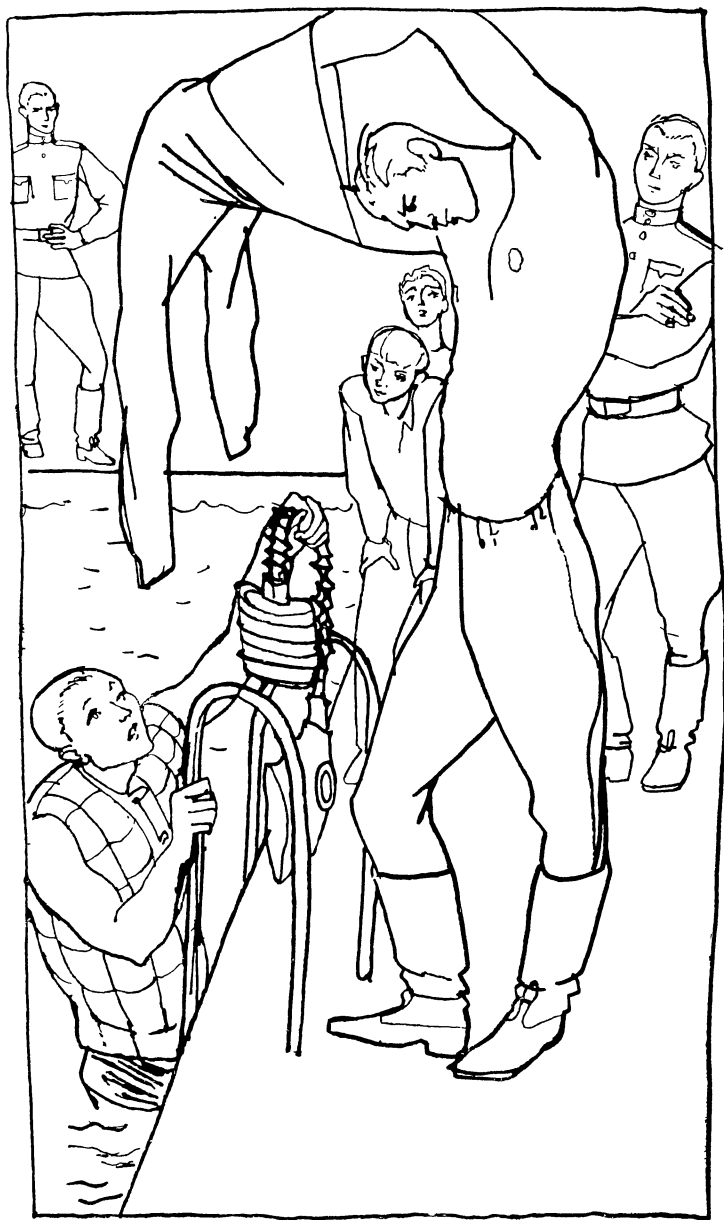
— Что? — удивился солдат.

— В самодеятельности, говорю, не участвовали? В инсценировках по басням великого баснописца Ивана Андреевича Крылова не играли?

Морковин озадаченно молчал.

— Не играли? Тогда что же вы на меня смотрите, как ягненок на волка? А, Морковин?

Я-то не раз уже замечал за отцом эту манеру — спросить вдруг что-нибудь неожиданное, вроде бы совершенно не относящееся к делу, — удивить, озадачить своего собеседника, так что тот сразу останавливался



на полуслове. Вообще-то это был неплохой способ, я так думаю. Я даже однажды вообразил себе такую картину: ты начинаешь оправдываться перед Анной Сергеевной, ты уже заранее приготовил длинную речь и чем ее разжалобить — заранее продумал, а она вдруг обрывает тебя неожиданно и спрашивает, к примеру: «Серебрянников, вы сегодня на завтрак что ели?» И всё — ты разинул рот от удивления, ты замолк, вся твоя речь безнадежно забыта, класс, конечно, хохочет — одним словом, полный провал. Ясное дело, Анна Сергеевна никогда так не поступит, она всегда очень внимательно и терпеливо выслушивает все наши объяснения, и мы пользуемся этим и запутываем ее в своих бесконечных доводах и оправданиях...

— Ну вот что, Морковин, — сказал отец, когда солдат пришел в себя и немного успокоился. — Вы мне сказки не рассказывайте, противогаз ваш вполне исправен. И из головы вы эту чепуху выкиньте. Надевайте противогаз и марш в воду! Ну-ка, быстро!

Морковин набрал в грудь воздуха, натянул маску и обреченно полез в бассейн.

— Ну, дает Морковка! — сказал сержант Коля Быков и засмеялся.

И я засмеялся вслед за ним. А вслед за мной — Мишка.

Морковин погрузился в воду, но одной рукой он продолжал цепляться за ступеньку лесенки — никак не решался от нее оторваться.

Он скрылся под водой и тут же вынырнул снова.

— Ну как, Морковин? — наклоняясь к нему, спросил отец.

Солдат неопределенно пожал плечами.

— Да вы дышите ровно. Главное — ровно. Вспомните, как вас учили. Ясно?

Морковин кивнул и опять нырнул в бассейн. Теперь только бледно-зеленая макушка противогазной маски тускло просвечивала сквозь мутноватую воду. Крупные серебристые пузыри один за другим вырывались на поверхность.

— Ну что он вытворяет! Что вытворяет! — сердито приговаривал отец, хотя я никак не мог догадаться, чем он недоволен.

— Ну вот, ясное дело! — сказал отец, когда голова Морковина снова высунулась из воды.

Непослушными пальцами Морковин сдирал маску, а она точно липла к лицу, не хотела сниматься.

Глаза у него были ошалелые, испуганные — один раз я уже видел такие глаза у мальчишки, который тонул в речке прошлым летом.

Ртом Морковин торопливо хватал, заглатывал воздух.

— Не, не могу я! Говорю — противогаз не работает. Что я, нарочно? Вон меня уже колотун трясет!

Его, и правда, била нервная дрожь, худые руки и ноги покрылись сизыми пупырышками.

Мишка перестал смеяться и испуганно смотрел на него. А Морковин оглядел солдат, словно ища у них поддержки и сочувствия, взгляд его скользнул и по нашим лицам — и тут я сразу вспомнил, откуда я его знаю. Это он помог мне однажды пробраться на фильм «только для взрослых» вопреки всем запретам — он был тогда патрульным и пропустил меня в клуб. Тогда, в парадной форме, с автоматом и с красной повязкой на рукаве, конечно, он не выглядел таким смешным и беспомощным, как сейчас.

На секунду его взгляд задержался на мне, и я сделал каменное лицо, я не узнавал его — почему-то мне не хотелось, чтобы Мишка Матвейчик, и сержант Коля Быков, и все остальные вдруг увидели, что этот солдат — мой знакомый.

Но и ему сейчас, наверно, было не до меня.

— Понимаете, Морковин, вы просто боитесь, — убеждал его отец. — Вам надо преодолеть страх. Переломить самого себя. Ничего с вами не случится.

— Да не боюсь я! — отвечал Морковин. — Противогаз у меня негодный! Я старшине сразу говорил — негодный противогаз! Так и задохнуться недолго. А он говорит...

— Давайте сюда ваш противогаз, — резко сказал отец. — И жилет тоже снимайте. Быстро!

Я не успел опомниться, не успел еще сообразить, что он задумал, как отец уже разделся и уже натягивал на себя спасательный жилет, застегивал его с дошлой аккуратностью на все крючки, привязывал противогазную коробку.

Я всегда очень любил смотреть, как делает мой отец зарядку, как вертится на турнике, как легко, одним махом, перебрасывает свое тело через брус, — честное слово, в такие моменты он был ничуть не хуже, чем те гимнасты, которых показывают по телевизору. А сейчас рядом с тощим Морковиным он выглядел особенно здорово — плечистый, загорелый, мускулистый — настоящий спортсмен!

— Ну, смотри, — сказал он Морковину, переходя вдруг на ты. — Только попробуй мне потом пожаловаться на противогаз!

Отец уже спускался по лесенке в воду, и солдаты столпились на помосте и следили за ним, точно он и правда начинал сейчас рискованный опыт, точно подвергался опасности, как будто они сами только что не отработали положенное время под водой. И я вдруг испугался за отца — а что, если вдруг противогаз на самом деле неисправный? Отец ведь скорее задохнется, чем вылезет из воды раньше срока. Я-то изучил его характер!

Но боялся я, конечно, напрасно. Отец знал, что делал. Через десять минут он уже опять стоял возле Морковина и протягивал ему обратно противогаз.

— Убедился? Теперь понял, что все дело в тебе самом, а не в противогазе? Попробуй теперь у меня выскочить раньше времени!

— А может, у меня организм такой... — неуверенно проговорил Морковин.

Солдаты засмеялись, и мы с Мишкой — тоже.

— Организм! — повторял я сквозь смех. — Ха-ха-ха! Мишка, ты слышал? Организм!

И тут вдруг отец точно в первый раз увидел нас с Мишкой.

— Вам что здесь — цирк? — спросил он строго. — А ну-ка, уважаемые зрители, освободите помещение! Живо, живо! Посмотрели — и хватит!

Мне надо было перестать смеяться, но если смех нападет на меня, то я уж ничего не могу с собой поделать.

Так мы с Мишкой оказались за дверью.

— Здорово! — сказал Мишка. Наверно, он хотел меня утешить, чтобы я не расстраивался, что нас так бесцеремонно выставили.

— Это еще что! — сказал я. — А вот скоро они танки под водой водить будут! Это да!

— Нет, я про твоего батю говорю, — сказал Мишка. — Здорово он показал этому Морковкину!

И снова мы с Мишкой начали хохотать.

Я вдруг сразу забыл все свои переживания, все свои беды и неприятности, словно опять вернулось то время, когда я мог только гордиться своим отцом.

Но мне этого было мало.

Мне хотелось до конца насладиться сегодняшним днем. Мишкино восхищение точно подгоняло, подстегивало меня, и я не повел Мишку к КПП напрямик, а потащил его кружным путем — мимо аллеи Почета, где выставлялись фотографии командиров лучших подразделений.

Но едва только мы приблизились к этой аллее, дурное, тревожное предчувствие овладело мной. Первая фотография была совсем не та, которую я привык здесь видеть. Я привык здесь видеть «фотофизиономию» лейтенанта Загорулько — так он сам называл свои фотографии, а сейчас вместо него на меня смотрел с портрета какой-то незнакомый лейтенант с усами.

Я шагнул вперед, уже понимая, уже догадываясь, что произошло.

Портрета отца не было.



Мишка добросовестно изучал подписи под фотографиями, подсчитывал звездочки на погонах, спрашивал меня, кто этот офицер, а кто тот. Только одного вопроса он так мне и не задал. Или, может быть, он вообще не помнил, забыл? Не мог же я, в самом деле, не сказать, не похвастаться никогда ему, что мой отец — командир лучшей роты; сто раз, наверно, я твердил ему об этом. Из чуткости он, что ли, не задавал теперь мне этот вопрос? «Миша — очень чуткий мальчик», — говорила про него моя мама.

Нужна мне больно его чуткость!

Все равно никто и не смотрит на эти фотографии! Никто и не смотрит! Не смотрит! Не смотрит!

Я почувствовал, что еще немного — и я разревусь,

и торопливо пошел, почти побежал вперед — еще не хватало, чтобы чуткий Миша Матвейчик увидел это!

Я пошел прочь от аллеи, и Миша покорно зашагал за мной, а вслед нам глядели застывшие в напряженной торжественности лейтенанты, капитаны и майоры — командиры лучших подразделений, среди которых отныне не было моего отца...

6

Мой отец стоит посреди комнаты.

На полу, у его ног — раскрытый чемодан.

Он яростно швыряет в чемодан все, что попадает под руку — книги, галстуки, рубашки, тетради, записки, подворотнички.

— Довольно! — говорит он.

— Хватит! — говорит он.

— Сколько можно терпеть? Без меня рота стала хуже, а я виноват? Пусть сами теперь возьмется с такими, как Морковин! Пусть попробуют опять сделать роту лучшей! Пусть-ка попробуют! А я посмотрю, как это у них получится! С меня довольно! Хватит!

Отец без конца повторяет эти два слова.

Он щелкает замками чемодана, но замки не закрываются. Он давит коленом на крышку так, что чемодан скрипит и потрескивает, и я бросаюсь помогать отцу. А мама смотрит на нас, и вид у нее немного испуганный и радостный...



Все это я выдумал.

Ничего этого не было.

Когда я вечером вернулся домой, отец сидел у телевизора и смотрел мультипликационный фильм «Матч-реванш».

— Вытри ноги! — сказал он. — Опять ты не вытираешь ноги!

Он был в клетчатой рубашке навыпуск и в домашних мягких тапочках. Как дачник. Правда, лицо его выглядело усталым и не очень-то довольным, даже хмурым, но ведь и раньше он не раз бывал и усталым и хмурым.

Может быть, он еще не знает? Да нет же, конечно, знает, не может не знать... Тогда что же?..

В нашем классе учился такой парень — Генка Кисельников. Вечно он вертелся возле взрослых парней. Те что только не вытворяли с ним: то снега за шиворот насыют, то кепку его зафутболят, то придумают какую-нибудь дурацкую, обидную кличку, а он все равно к ним тянется. Все переносит, все терпит. Доволен, что не прогоняют.

Конечно, я не думал сравнивать моего отца с Генкой Кисельниковым, какое тут могло быть сравнение, даже одна мысль эта была мне противна, но все-таки вспомнился же почему-то сейчас этот Генка! Его так и звали «Кисель». Кисель — он и есть кисель.

Но отец...

Утром пошел как ни в чем не бывало заниматься с солдатами. Теперь надел тапочки и телевизор смотрит. Да что же это! Если бы он злился, кричал на меня, на маму, мне бы и то, кажется, было легче!

— Мой руки и садись за стол, — сказала мама.

— Не хочу, — сказал я таким тоном, чтобы сразу стало ясно: отказываюсь я вовсе не потому, что не голоден, а оттого, что именно не хочу — из принципа.

— Это что еще за новость? Почему?

Она еще спрашивает почему! Да что они, не понимают ничего, что ли?

Может быть, я бы высказал сейчас все разом, если бы вдруг не зазвонил телефон.

Что и говорить, в самую подходящую минуту умудрилась позвонить наша пионервожатая Люда!

Я сразу догадался, что это она, потому что в трубке заговорили быстро-быстро, а отец, слушая, все время поглядывал на меня.

— Да, да... помню... был такой разговор... — отвечал он. — Нет, отчего же?.. Пожалуйста... пожалуйста... Конечно, всегда готов. Как пионер. Что?.. Мой сын?.. Не знаю. Он последнее время вообще что-то любит загадывать загадки... Пожалуйста. До свидания.

Он положил трубку и молча, многозначительно посмотрел мне в глаза. Наверно, он считал, что я должен все понять и без слов. У них с мамой вообще была

привычка — воспитывать меня молчаливыми, выразительными взглядами.

Я выдержал его взгляд, я не отвел и не опустил глаз.

Что я должен был понять? И почему я? Это он, он сам должен был понять, что нельзя было ему соглашаться сейчас выступать у нас в школе. Нельзя.

7

Теперь я старался поменьше бывать дома.

Не ладилось у нас дома с тех пор, как отец вернулся из Москвы. Я это чувствовал. Слишком предупредительна была мама к отцу, чересчур предупредительна и внимательна, и слишком вежливо разговаривала она со мной, я знал, что это неважный признак. Раньше, например, она говорила мне: «Женя, тащи-ка тарелки из кухни». А теперь эта же просьба звучала так: «Женя, если ты не занят, принеси, пожалуйста, тарелки из кухни». От одной такой фразы мне становилось не по себе. Я уже знал по опыту, что, когда мама говорит так вежливо, это значит — все внутри у нее кипит, просто она сдерживает себя из последних сил.

Конечно, я понимал ее — она ведь тоже надеялась очутиться в Москве, а вместо этого получились одни неприятности. Тут поневоле разозлишься.

Так что никакого настроения сидеть дома у меня не было. И в школе я тоже чувствовал себя не особенно уютно. Никто не сказал мне ни слова о неудаче моего отца, никто не вспоминал о моем обещании покинуть класс еще до конца четверти, и все-таки...

Я потерял уверенность — вот что случилось со мной.

Раньше я легко ввязывался в споры, никогда не упускал случая поддразнить кого-нибудь и не прочь был похвастаться: «А мой отец говорит...», «А мой отец лучше знает...», «А мой отец...» Теперь же я стал больше помалкивать. Я знал, что меня могут осадить в любой момент, и боялся этого, и оттого чувствовал себя неуверенно.

Раньше я всегда был вместе с ребятами, а теперь

стал оставаться один. И когда оставался один, придумывал себе разные развлечения, о которых никто не подозревал, кроме меня. Например, мне нравилось незаметно идти по улице вслед за патрулем, наблюдать за всеми действиями патрульных и воображать, будто у меня на поясе тоже висит револьвер в кожаной кобуре и это мне отдают честь встречные солдаты, это на меня уважительно посматривают прохожие, это я готов в любую минуту вступить в схватку с бандитами или хулиганами. А иногда мне нравилось воображать себя разведчиком — тогда мне приходилось неслышно красться вдоль стен, прятаться в подворотнях или с безразличным видом пристраиваться к очереди на автобусной остановке, пропуская мимо себя преследователей...

Однажды я так увлекся, что не заметил, как забрел далеко от школы.

Я шел и шел за патрульными и вдруг обнаружил, что оказался на вокзальной площади.

На этой площади всегдалюдно. Здесь разворачиваются автобусы, здесь вдоль тротуара выстроились киоски, здесь терпеливо томится очередь на стоянке такси, здесь стоят бочки с квасом и продавщицы мороженого бродят со своими ящиками...

Я очень люблю вокзал, я мог бы часами толкаться на этой площади, но сейчас я сразу вспомнил ночной разговор, вспомнил, как отец дожидался здесь темноты, и у меня опять стало тяжело на сердце. Я представил себе, как сошел он в тот день на перрон и его никто не встречал, — ни я, ни мама даже не знали, что он уже здесь, в нашем городе; всех встречали, а его нет; я представил, как сидел он в зале ожидания на деревянной лавке наедине со своими невеселыми мыслями...

Я остановился около вокзальных тяжелых дверей и, задрав голову, принялся изучать расписание поездов. Почему-то мне вдруг захотелось, мне стало вдруг важно узнать, на каком поезде приехал тогда отец.

Я рассматривал расписание и неожиданно услышал у себя за спиной чей-то голос:

— Далеко ли собрался, Серебрянников?

Я вздрогнул, обернулся и увидел подполковника Евстигнеева, замполита части.

Подполковник Евстигнеев был, пожалуй, единственным человеком в военном городке, кого я побаивался. В общем-то, не было у меня никаких причин его бояться, ни в чем я перед ним не провинился, а вот все-таки предпочел бы я с ним не встречаться.

Я даже точно могу сказать, с каких пор я стал его побаиваться.

Это было еще в прошлом году, весной, в субботний день. Я играл со своими приятелями возле нашего дома в ножижки. Земля была влажная, податливая — очень хорошо было в тот день играть в ножижки. Тут же неподалеку работали солдаты — убирали территорию вокруг домов. Кто подметал дорожки, кто выкладывал вдоль дорожек беленые камни, кто таскал на носилках мусор. Мы им не мешали, и они нам тоже не мешали — все были заняты своим делом. И вдруг появился подполковник Евстигнеев. Посмотрел, посмотрел на солдат и спросил:

— Кто у вас тут за старшего?

— Я, товарищ подполковник. Ефрейтор Кискин.

— А кто вас сюда прислал?

— Старшина роты, товарищ подполковник.

— Вот что, товарищ ефрейтор. Собирайте своих гвардейцев и шагом марш в казарму. Скажете старшине, что я отменил его приказание. Это что еще за мода — офицерские дети насорят, накидают тут мусора, а солдаты за ними убирай?..

Ефрейтор Кискин начал поспешно созывать своих солдат, а мы сбились в кучу и ждали, что будет дальше.

Подполковник стоял перед нами, широко расставив ноги, заложив руки за спину, и смотрел на нас в точности как Гулливер на лилипутов.

— А вы, — сказал он, помедлив, строгим голосом, — извольте-ка потрудиться. И чтобы к вечеру была полная чистота и порядок. Ясно? — Он пошел было к штабу, но вдруг обернулся и погрозил нам пальцем: — Ишь барчуки!

С тех пор я старался не попадаться на глаза подполковнику Евстигнееву — у меня так и осталось ощущение, будто он уличил меня в чем-то постыдном. Не очень-то приятно, когда тебя считают барчуком, папенькиным сыном.

— Так куда, говори, ехать собрался?

— Никуда, — сказал я. Мне было неприятно, что он застал меня на вокзале. Еще расскажет отцу или матери, — как я им объясню, с чего я забрел сюда?

— А я думал, ты уже в Сибирь податься решил. Маршрут выбираешь. Был у меня такой случай. На севере я тогда служил. Так к одному майору сын вдруг прикатил. Такой же, как ты. Тысячи две километров отмахал, сбежал из дома от матери и явился. «Надоело, — говорит, — папа, без тебя жить. Соскучился».

Евстигнеев рассмеялся и положил руку мне на плечо.

— Ну что, домой? Могу подвезти.

Только тут я увидел командирский газик с сиденьем, отделанным красным плюшем.

Я кивнул. Кто же откажется прокатиться на газике? К тому же сейчас это было очень кстати — мама, наверно, уже нервничает, не знает, куда я делся. Правда, у меня не было особого желания вести разговоры с подполковником Евстигнеевым, но не обязательно же он будет со мной разговаривать!

Мы забрались в газик, подполковник, как и полагается, на переднее сиденье, я — на заднее, и газик тронулся.

Не успели мы отъехать, как Евстигнеев обернулся ко мне и вдруг спросил:

— Ну как, батька твой все переживает?

«Начинается!» — неприязненно подумал я.

Я пожал плечами.

— И ты тоже переживаешь?

Я опять дернул плечами.

— Что ты все плечиками разговариваешь, как бабышня? Переживаешь — так и скажи. И должен переживать — как же иначе?

«Чего он пристал? — тоскливо подумал я. — Лучше бы уж не садился я в этот газик, лучше бы топал пешком...»

Евстигнеев помолчал.

— Я тебе одну только вещь хочу сказать. Ты меня все-таки послушай, уши не зажимай. Я хочу, чтобы ты вот что понял и запомнил. У каждого человека, брат, бывают в жизни неудачи. Бывают даже целые

полосы неудач! Неудачи — они друг за дружкой ходят, как волчий выводок. Они человека как бы на прочность испытывают. Против одной устоял, а тут вторая...

Я сразу представил себе полосу неудач почему-то в виде железнодорожного полотна без рельс, но со шпалами, и по этим шпалам с трудом шагает усталый человек.

— Ты меня слушаешь? — спросил Евстигнеев.

— Да, — сказал я.

Я и правда теперь слушал его. Он говорил со мной вполне серьезно, и мне это нравилось. Я заметил, что и солдат-шофер тоже с интересом прислушивается к нашему разговору.

— Я тебе точно скажу — не тот настоящий человек, у кого никогда в жизни не было неудач, а тот, кто сумел справиться с ними. Кто сумел преодолеть их. Вот какая штука! Понял, к чему я клоню?

— Понял, — сказал я.

— А батьку своего не огорчай, — добавил Евстигнеев.

«Откуда он знает? — подумал я. — Кто ему рассказал?»

Опять у меня было такое чувство, как тогда, год назад, когда он назвал нас барчуками.

— Помогай батьке. Слышишь?

Что он хотел этим сказать? Как-то не думал я никогда, что отец может нуждаться в моей помощи. Нет, конечно, я помогал ему, когда он, например, ремонтировал приемник, или собирался ехать на рыбалку, или когда в доме начиналась генеральная уборка... Но ведь сейчас подполковник Евстигнеев говорил об иной помощи! О помощи в совсем другом смысле!

Машина подкатила к штабу и остановилась. Евстигнеев протянул мне руку.

— И на расписание поездов пока особенно не заглядывайся! — сказал он.

Неужели он всерьез подумал, что я хотел сбежать? От этой мысли мне стало весело. Жаль только, что никто не видел, как подкатили мы с ним на газике и как прощался он со мной за руку!

Я совсем осмелел, я был даже не прочь еще побеседовать с подполковником Евстигнеевым, но тут вдруг

заметил, что он уже не смотрит на меня — весь он как-то подтянулся, лицо его приняло озабоченное выражение, и глядел он теперь в сторону учебных классов. Я тоже посмотрел в ту сторону, и первое, что мне сразу бросилось в глаза, — были красные генеральские лампасы.

К штабу медленно шел генерал.

Рядом с ним, что-то объясняя ему, шагал командир полка, а чуть позади шли еще несколько подполковников и майоров.

И я сразу сообразил, что это значит. Это значит, к нам, наконец, приехала та самая важная комиссия, которую уже давно ждали в полку...

8

Конечно, и раньше не раз бывали в полку и инспекторские проверки, и зачетные стрельбы, и тактические учения, но никогда прежде меня особенно не волновали эти события. То есть волновали, но совсем по-другому. Я всегда рвался посмотреть стрельбы, упрасивал отца взять меня с собой, но вот переживать особенно не переживал.

Да и что мне было переживать?

Я привык к удачливости своего отца, я привык, что его рота всегда оказывалась лучшей или, по крайней мере, одной из лучших. Я привык к этому, как привык к тому, что Мишка Матвейчик всегда получает пятерки — так и должно быть, чему тут удивляться?

А теперь... Теперь-то я понимал, как много значит для отца эта проверка! И я волновался тоже, я переживал и, словно какая-нибудь Элька Лисицына, прислушивался к разговорам взрослых, ловил каждое слово, если оно имело хоть какое-то отношение к этой проверке...

— Ну, товарищ капитан, судьба все-таки за нас, — сказал однажды лейтенант Загорулько моему отцу. — Даже удивительно, как нам повезло, что Морковина именно сейчас взяли в госпиталь на исследования. Прямо как гора у меня с плеч свалилась. Остальные-то нас не подведут!

— Да, — задумчиво сказал отец, — много я на него времени ухлопал...

«И что он с ним возился! — подумал я. — Достаточно было только разок увидеть, как пятился он, этот Морковин, тогда от бассейна, как поспешно сдирал с лица резиновую маску, чтобы понять, что никуда такой солдат не годится, ничего, кроме неприятностей и позора, роте он не принесет...»

И потому я, конечно, тоже обрадовался, когда услышал, что Морковина не будет на проверке.

Я уже знал, что роте отца предстояло сдавать зачет по подводному вождению танков. Я никогда раньше не видел, как водят танки под водой, — обычно эти занятия проходили летом, когда я уезжал в пионерский лагерь. Но вот всяких рассказов о том, какое это нелегкое и даже рискованное дело, сколько умения и выдержки требует оно от танкистов, — таких рассказов наслушался я немало.

И в этот раз я не знал, удастся ли мне попасть на озеро — вот что было самое обидное! Что меня возмут, я, конечно, не сомневался — уж что-что, а упрямить я умел. Если надо, я у самого командира полка не побоялся бы попроситься! Но очень может быть, пока я буду торчать в школе, здесь все уже и начнется и кончится.

Будь моя воля, я бы всех ребят из военного городка в этот день распустил по домам.

Но моей воли не было, и утром мне пришлось отправиться в школу.

Обычно я ходил пешком, но тут я опаздывал и потому сел в автобус. Я забрался на свое любимое место — самое высокое, над задним колесом.

Все-таки уж очень не хотелось мне в этот день ехать в школу!

И пока автобус разворачивался, я все глядел на танки — вернее, даже не на танки — только задранные кверху стволы их пушек были видны за забором. Где-то там сейчас и мой отец отдавал последние распоряжения...

Автобус развернулся, быстро покатил по асфальту, теперь военный городок остался уже позади, а впереди, на обочине шоссе, я вдруг увидел высокую худую фигуру.

Рядовой Морковин собственной персоной шагал по дороге.

Он похлестывал прутиком по голенищам сапог, и вид у него был довольный, как у человека, которого по всем статьям признали совершенно здоровым.

Он промелькнул за окном, автобус обдал его пылью, и мы покатали дальше.

И сразу сначала смутное беспокойство, а потом самая настоящая тревога за отца охватила меня.

Возвращение Морковина не предвещало ничего хорошего.

9

И все-таки я успел!

Нет, не в школу, в школу я как раз опоздал. Когда я явился, в вестибюле уже стоял завуч и ловил опоздавших.

— Стыдно, Серебрянников, — сказал он. — Ну ответь мне, ты видел хоть раз, чтобы твой отец опаздывал на работу?

Я ничего не ответил. Откуда я теперь знаю — опаздывал он или не опаздывал. И потом — я-то тут при чем?

— Среди военных живешь, а к дисциплине все не привыкнешь... — вздохнул завуч.

Будь сейчас на моем месте кто-нибудь другой, ну хотя бы тот же Миша Матвейчик, завуч бы сразу отпустил его, не стал бы читать ему нотацию, а нам, ребятам из военного городка, он всегда считал нужным напомнить, что мы должны показывать пример. И очень расстраивался, когда мы не оправдывали его надежд.

Так что на первый урок я в тот день опоздал.

А успел я на озеро.

Да еще на мотоцикле прокатился. Мне повезло — знакомый лейтенант прихватил меня с собой.

Занятия на озере были в самом разгаре, и я сначала почувствовал себя, как человек, проникший в зал кинотеатра посередине сеанса: надо отыскать свободное место, надо быстренько разобраться, что к чему, сообразить, что было раньше, и в то же время не пропустить те кадры, которые идут сейчас.

Первым делом я увидел над поверхностью озера узкую трубу, она торчала прямо из воды, точно перископ подводной лодки. Труба эта двигалась к берегу. Потом я увидел, как воду вспорол ствол пушки, затем показалась башня танка, приглушенное рокотанье вдруг превратилось в оглушительный грохот — и вот уже весь танк медленно выполз на берег. Совсем как в фантастическом фильме из доисторических времен. Там, в этом фильме, был такой эпизод: стремительно движется над озером безобидная крохотная головка на длинной гибкой шее, рассекает воду. Все ближе, ближе к берегу. И вот вода расступается, и на берег вдруг вылезает гигантский бронтозавр, или динозавр, или ихтиозавр, не знаю, как их там звали. Вот тебе и безобидная головка, вот тебе и тонкая шея!

На берегу я увидел еще два танка. Пятиметровые воздухопитающие трубы, как мачты, неуклюже возвышались над их башнями.

Теперь я искал глазами моего отца, но его нигде не было.

Я увидел катер с тонконогими водолазами, затянутыми в резиновые костюмы, увидел среди кустов санитарную машину с красным крестом и палатку, растянутую среди деревьев, и самих танкистов в черных комбинезонах и шлемофонах, ожидающих своей очереди отправиться под воду. Я увидел лейтенанта Загорулько и своего знакомого сержанта Колю Быкова. И Морковин тоже был здесь. Только моего отца нигде не было.

Я подошел к танкистам.

— Коля, привет! — сказал я. — Ну, как дела?

— Порядок! — сказал он. — Я уже отводился. Все в ажуре.

— А где папа?

— Да вон же! Ты что, своего отца уже не узнаешь? Быть ему комбатом — не иначе!

И правда, как я не увидел сразу!

Не командир полка, и не его заместитель, и не командир батальона, а мой отец руководил сейчас занятиями!

Он стоял с микрофоном в руке возле командирского раскладного столика, тут же около него распо-

ложились радисты со своими рациями и еще какие-то люди с красными повязками на рукавах, и сюда же, к нему, прибывали танкисты, чтобы доложить о выполнении задания.

Но самое главное было даже не в этом!

Самое главное было в том, что приезжий генерал, и приезжие офицеры, и наши собственные, здешние офицеры — все они, стоя чуть поодаль, наблюдали за действиями моего отца!

Не очень-то приятно, когда на тебя смотрят, когда следят за каждым твоим словом, за каждым твоим движением сразу столько людей. Я бы, например, и минуты не смог выдержать, и звука бы не смог произнести, если бы на меня уставились все эти начальники. Однажды к нам на урок пришел какой-то инспектор из роно, так я и то еле-еле выполз на троечку, и не потому, что не знал урока, а потому, что волновался.

И мой отец сейчас нервничал — я это сразу заметил.

Голос у него был хрипловатый, низкий — чужой голос.

— Третий, доложите о готовности!.. Третий, вас понял. Вперед, третий! Третий, вперед!

Танк на берегу вздрогнул, дернулся, выбросил облако сизого дыма и пополз к воде. У самой воды он еще раз дернулся — сначала в одну сторону, потом в другую, он точно упирался, точно отказывался подчиняться водителю, но в следующий момент гусеницы его уже погрузились в воду, затем вода сомкнулась над башней, и сразу стало тихо, словно кто-то вдруг плотно прикрыл дверь в комнату, из которой только что доносился грохот.

Теперь только по торчащей из воды трубе можно было определить, где идет танк.

— Так... так... так... Немного левее... Так... так... — размеренно повторял отец в микрофон.

Один раз отец неожиданно сбился, спутался: когда танк пошел резко влево, он тоже вдруг скомандовал: «Левее!» Танк еще резче забрал влево, в глубину, труба чуть накренилась над водой, и отец сразу поправился, крикнул в микрофон: «Правее! Правее!» — и покраснел, залился румянцем, совсем как новобра-

нец, который вдруг повернулся на строевых занятиях не в ту сторону.

И тогда я подумал, что, пожалуй, зря я явился сегодня на озеро, не надо было мне сюда являться...

Уж если отца, его роту постигнет неудача, если опять случится какая-нибудь неприятность, если отец опозорится на глазах у этого приезжего генерала и у всех офицеров, то пусть это случится лучше без меня...

Правда, пока все шло хорошо, гладко, если не считать маленькой осечки, но ведь впереди оставался еще экипаж, где механиком-водителем был Морковин.

Танки исчезали под водой, потом выбирались на противоположный берег, разворачивались там, повинаясь флажкам регулировщиков, скрежеща гусеницами, снова уходили под воду и возвращались на свой берег, отдуваясь и отфыркиваясь, поблескивая мокрыми боками, точно они и правда были исполинскими живыми существами... И всеми этими огромными машинами и людьми, которые вели эти машины, командовал мой отец!

Нет, все-таки здорово быть танкистом!

Я засмотрелся на танки, и вся моя тревога за отца, все мои страхи улетучились так же быстро, как и возникли, и забеспокоился я снова только тогда, когда приблизилась очередь Морковина.

Я опять подошел поближе к танкистам.

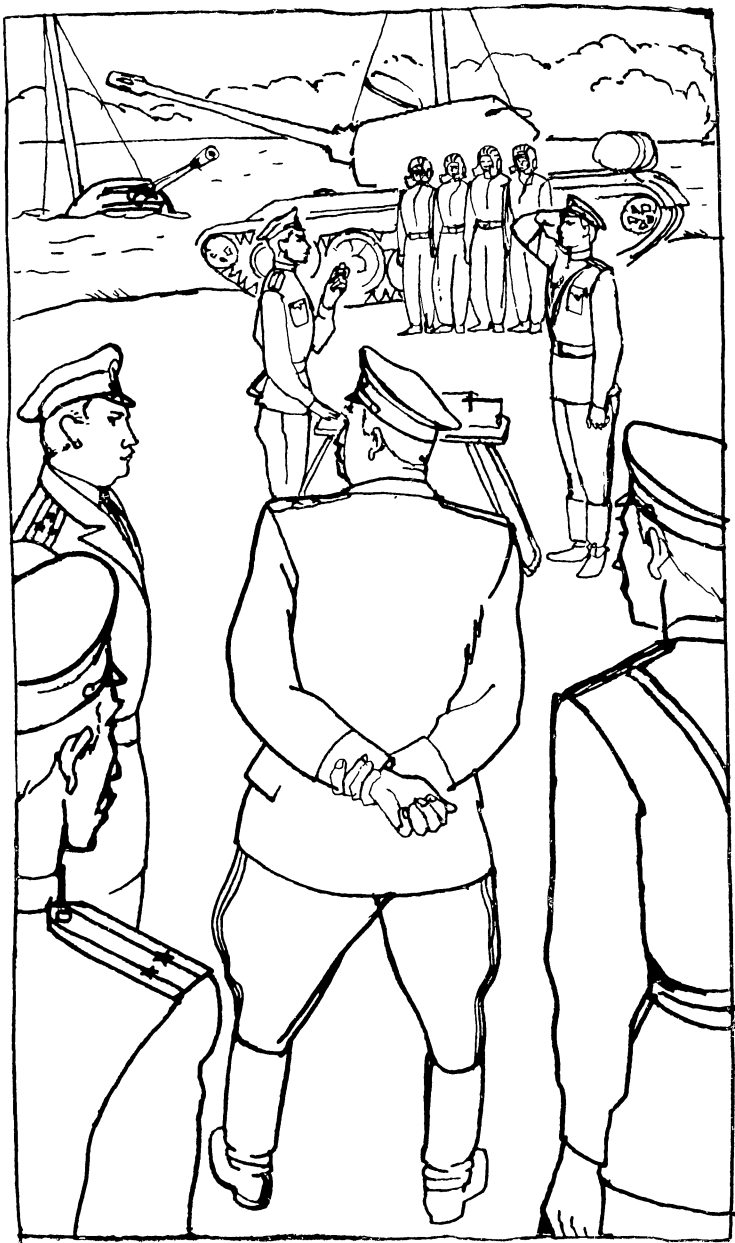
Лейтенант Загорулько о чем-то негромко говорил с сержантом Быковым, и лица у обоих были озабоченные и возбужденные, как у наших ребят, когда перед самой контрольной они наспех листают страницы учебников и сговариваются, кто кому будет помогать в случае чего...

Морковин стоял чуть в стороне. Сейчас, в комбине зоне и танковом шлеме, он выглядел гораздо мужественнее, чем тогда, в бассейне. По крайней мере не казался таким беспомощным, но руки его все же выдавали волнение — они все время были в движении.

Я с неприязнью смотрел на эти беспрестанно шевелящиеся руки.

Не мог он задержаться в своем госпитале, что ли?

— Морковин! Держи хвост морковкой! — крикнул кто-то из солдат. — Больше одного раза не утонешь!



Морковин улыбнулся и хотел что-то ответить, но тут к нему подошел лейтенант Загорулько. Морковин слушал его и понятливо кивал.

— Товарищ лейтенант! Пора!

Пора! Еще минута, и полный экипаж — четыре танкиста, уже затянутые в спасательные жилеты — выстроились возле танка.

А Морковин?

Морковина среди них не было.

На месте Морковина стоял сержант Быков.

— По машинам! — скомандовал лейтенант Загорулько.

Солдаты бросились к танку, один за другим они легко взбирались на броню и скрывались в люке.

И по-прежнему Морковина среди них не было!

Так вон оно что! Вот, значит, какую штуку придумал лейтенант Загорулько!

Это было совсем несложно. Он просто заменил Морковина. Он потихоньку заменил Морковина сержантом Быковым. Он не хотел рисковать понапрасну. Он не хотел подводить моего отца. Он не хотел, чтобы из-за одного Морковина страдала вся рота.

Я обрадовался.

Надо немедленно сообщить, дать знать об этом отцу, чтобы он не волновался зря. Ему-то со своего командного пункта было не видно, кто из солдат забирался в танк. И ясное дело, он больше всего боялся за Морковина. А бояться-то теперь было нечего!

Я просто изнывал от желания сообщить отцу о своем открытии.

Но я даже подойти близко к нему не мог решиться. Я только смотрел на него с почтительного расстояния.

Если бы отец догадался, что я кое-что знаю, может быть, он бы и посмотрел на меня повнимательнее, может быть, заметил бы тогда мою радостную физиономию, но он не догадывался. Да и до меня ли ему было!

Лязгая гусеницами и грохоча, танк выполз на исходную позицию к самой кромке воды и замер.

Теперь экипажу предстояло сориентировать машину. Если бы за рычагами сейчас сидел Морковин, командиру экипажа наверняка пришлось бы немало

помучиться с ним, но сержант Быков был опытным механиком-водителем. Танк только чуть тронулся в одну сторону, чуть в другую и снова застыл. Готово.

— Восьмой, доложите о готовности! Восьмой! — говорил отец в микрофон.

«Все в порядке! — хотелось мне крикнуть ему. — Все в порядке! Не волнуйся!»

— Восьмой, доложите о готовности! Восьмой!

Отец замолчал, вслушиваясь.

Сейчас ему доложат о готовности, сейчас он даст команду «вперед», сейчас...

Ну что же он так долго? Чего он ждет?

— Восьмой, повторите, — сказал отец.

Он словно нарочно тянул время.

И вдруг я понял. Я понял, что произошло. Он догадался. Он узнал по голосу, что отвечает ему не Морковин.

И теперь он колебался, он решал, что делать.

«Скорей же, скорей!» — мысленно торопил я.

Генерал еще не догадывался, чем вызвана заминка, но каждую минуту он мог заподозрить что-то неладное.

«Скорей же!»

Отцу стоило только сделать вид, что он ничего не заметил, и все будет в порядке. В конце концов, не он же посадил в танк сержанта Быкова! Он-то при чем!

— Восьмой, отставить! — скомандовал отец. — К машине!

Что он задумал? На глазах у генерала! У всей комиссии! Теперь все поймут, в чем дело.

Крышка люка откинулась, танкисты уже выбрались из танка, прыгивали на землю.

— Лейтенант Загорулько! Ко мне! — крикнул отец.

Но лейтенант и так уже бежал к нему.

— Товарищ лейтенант, — голос отца звучал совсем спокойно, даже тихо, — разберитесь, что там за путаница в экипаже...

— Товарищ капитан... — Лейтенант Загорулько старался не столько словами, сколько движением лица что-то объяснить отцу.

— Выполняйте! — четко выговорил отец, и тут уж я увидел, что он еле сдерживает себя, чтобы не закричать на лейтенанта.

Лейтенант раздраженно усмехнулся. В конце концов, он старался только ради отца.

— Вы слышали? Выполняйте!

Через минуту сержант Быков уже передавал свой спасательный жилет Морковину. Морковин долго застегивал его — никак не мог справиться с крючками.

Потом отец приказал экипажу подойти к нему. Он переводил взгляд с одного лица на другое и наконец остановился на Морковине.

— Ну, как настроение? — спросил он.

— Ничего настроение, — неуверенно улыбнулся Морковин.

— Не волнуйтесь, — сказал отец. — Все будет хорошо. Не волнуйтесь.

Все это происшествие заняло лишь несколько минут. Крышка люка опять захлопнулась — теперь уже за Морковиным.

Я украдкой поглядывал на генерала, на окружающих его офицеров. Догадались ли они, что произошло? Или нет? Я ничего не мог определить по их лицам.

Танк вошел в воду, вода приглушила грохот мотора, и на берегу тоже разом стихли все разговоры. Даже солдаты, старавшиеся до сих пор держаться незаметно, подальше от начальства, теперь высыпали к самой воде. Даже лейтенант Загорулько, который сначала лишь раздосадованно махнул рукой — ему, мол, наплевать, пусть хоть затонет этот танк вместе с Морковиным — и тот все-таки не выдержал и сейчас стоял рядом с солдатами.

Я тоже не отрывал глаз от вскипающих водоворотов, по которым угадывался путь танка.

Я ахнул, когда танк вдруг двинулся вправо, я обрадовался, когда он опять вернулся на прямую и пошел ровно, словно по ниточке.

Я переживал за Морковина, но все-таки мысли мои были заняты другим.

Я думал о своем отце. О его поступке.

Ведь в глубине души я с самого начала надеялся, что он поступит именно так. Теперь-то я мог себе в этом признаться...

«Все хорошо, что хорошо кончается», — любит повторять моя мама.

И эти учения кончились хорошо, даже лучше, чем хорошо, потому что Морковин провел танк на отлично.

Морковин улыбался, сиял, вытирал рукавом пот со лба, радостно объяснял что-то солдатам. И руки у него сейчас были как руки — обыкновенные руки, непонятно, почему они так раздражали меня полчаса назад...

Я увидел, что мой отец наконец-то немного освободился, отошел от своего командирского места.

Офицеры о чем-то переговаривались, совещались между собой, а он был один, и я не выдержал, бросился к нему, хотя знал, что он может рассердиться, может даже прогнать меня. Отец был весь еще напряжен и взбудоражен, он взглянул на меня, усмехнулся и сказал так, словно отвечал на собственные мысли, словно продолжал прерванный разговор:

— Видал? Помочь надумали! Пожалеть решили! Запомни, заруби себе на носу или намотай на ус, как хочешь, — никогда не разрешай себя жалеть. Это последнее дело, если тебя начинают жалеть, понял?

И он вдруг крепко обнял меня за плечи.

10

Я был уверен, что в школе, на сборе он обязательно расскажет об этих учениях. Просто мне самому очень хотелось, чтобы он рассказал.

Но я ошибся. Вернее, ошибся я не совсем, а только наполовину.

Я даже не знаю, что творилось со мной последнее время, — я постоянно волновался за моего отца, что бы он ни делал — я волновался.

Проведай об этом Анна Сергеевна, она бы наверняка сказала: «Лучше было бы, Серебрянников, если бы тебя так волновали собственные тройки».

Но человек ведь не может приказать себе, когда волноваться, а когда нет.

Вот и перед выступлением отца у нас в школе я тоже никак не мог успокоиться. Потому что ребята у нас только на первый взгляд вежливые и смирные,

а вообще-то им палец в рот не клади. Как-то выступал у нас один лектор. Длинно и нудно. А потом все требовал, чтобы мы задавали ему вопросы. Очень хотелось ему, чтобы были вопросы. Он так уговаривал нас спрашивать его, что наконец ребята начали задавать ему всякие глупые вопросы, нарочно, для смеха. А он на них отвечал. Он даже и не догадался, что ребята потешаются над ним. Не знаю, чем бы тогда кончилась эта забава, если бы не Анна Сергеевна. «Ну, ребята, хватит, — сказала она, — товарищ лектор устал...» — и незаметно для него погрозила нам пальцем.

Так что мне было отчего беспокоиться, когда отец появился в нашем классе.

— Сегодня у нас в гостях, — сказала пионервожатая Люда, — командир роты капитан Серебрянников Константин Павлович. Константин Павлович расскажет нам о героях мирных дней, о наших славных танкистах...

Отец смущенно улыбнулся.

— Ну, насчет героев не знаю... — сказал он.

Вид у него был праздничный, — по-моему, только два раза в году бывает у него такой торжественный вид — 23 февраля и 9 мая. Две медали сверкали на груди. И Мишка Матвейчик не сводил глаз с этих медалей.

— Насчет героев не знаю, — сказал отец, — а вот о танкистах я действительно кое-что расскажу... На днях наша рота занималась подводным вождением танков, и я вспомнил тогда одну историю. История эта приключилась несколько лет назад с солдатом по фамилии Смирнов...

— У нас тоже есть Смирнов! — выкрикнула Элька Лисицына.

— Не перебивай! Дай послушать! — сразу закричали ребята.

«Это что-то новое, — подумал я. — Никогда раньше он не рассказывал ни про какого Смирнова».

И мне даже стало немножко обидно — почему это мне не рассказывал, а ребятам рассказывает?

— Не знаю, как обстоит дело с вашим Смирновым, — сказал отец, — но нашему Смирнову его фамилия удивительно подходила. Был он человек порази-

тельного, просто редкостного спокойствия. Многие даже завидовали такому его спокойному характеру. И, уж конечно, все были не прочь порассказать о нем разные истории. Настоящие легенды ходили в полку о его спокойствии. Например, рассказывали такой случай. Дело было летом. Солдат из нашего полка послали тушить лесной пожар. А лесные пожары в тех местах, где служили тогда мы со Смирновым, бывают особенные — низовые. Огонь идет понизу — горит валежник, сухая трава, мох тлеет, а у деревьев подгорают основания стволов. Потом стоит такое дерево — на вид вроде бы целое, здоровое, а тронешь его — валится. Иной раз даже от легкого ветра падает. И вот как-то Смирнов решил сфотографировать одного своего дружка в лесу после работы — с лопатой в руках, перемазанного сажей, в прожженной гимнастерке — на память. У Смирнова был плохонький, старый фотоаппарат. Смирнов очень долго возился с ним, прежде чем щелкнуть. А тут только он наставил этот аппарат, только поймал в кадр фигуру своего дружка, как увидел, что позади, за спиной у того, клонится сосна. Потом он рассказывал, что это было, как в кино при замедленной съемке, — ему казалось, что сосна падает медленно-медленно. И совершенно бесшумно. И вот что удивительно — Смирнов не вздрогнул, не вскрикнул, даже не изменился в лице. Он продолжал наводить свой фотоаппарат. В следующий момент сосна рухнула всего в двух-трех метрах от его друга. Тот перепугался, отпрыгнул в сторону, хотя что теперь было отпрыгивать! А потом пришел в ярость — не очень-то приятно, когда дерево вдруг грохается рядом с тобой — и накинудся на Смирнова чуть ли не с кулаками: почему тот не предупредил, не крикнул, а стоял, как истукан, со своим аппаратом? Смирнов спокойно слушал его, и вид у него был вроде даже виноватый. А между прочим, сердился-то его друг все-таки напрасно. Потому что крикни в ту минуту Смирнов, выдай хоть жестом испуг, и друг его, очень возможно, отскочил бы прямо под падающее дерево. Потом дружок Смирнова и сам это понял и благодарил Смирнова, и даже говорил, что тот спас ему жизнь своим спокойствием. Вот какой человек был этот Смирнов.

В классе стояла тишина, ребята слушали моего отца не шевелясь, и мне самому тоже не терпелось узнать, что же произошло дальше с этим Смирновым.

— Я уж не говорю, — продолжал отец, — что спокойствие не покидало Смирнова и на самых трудных учениях, и во время стрельб, и во время спортивных соревнований. И не жаловался он никогда, не ныл. «Толстокожий он у нас какой-то, — иногда говорили про него солдаты. — Ничем его не проймешь. Счастливый характер достался человеку! С таким характером он и до ста лет проживет!»

И вот однажды взводу, в котором служил Смирнов, пришлось водить танки под водой. Дело это нелегкое. Вот мой Женька и Миша Матвейчик видели, как тренируют солдат перед этим. Честно говоря, любому танкисту первый раз идти под воду бывает страшновато. Это все равно, что первый раз с парашютом прыгать. И знаешь, что все в порядке, а невольно думаешь: вдруг что-нибудь случится? Некоторые от волнения даже рычаги путают — забывают, какой левый, а какой правый, всякое случается. Тут еще вода начинает в танк просачиваться. Не очень приятное ощущение. Короче говоря, есть отчего поволноваться. А у нас в то время в полку доктор был — чужак человек, так он на занятия по подводному вождению медицинские весы привез. Любил этот доктор всякие эксперименты. «Буду, — говорит, — взвешивать солдат до подводного вождения и после. Человек при первом прыжке с парашютом, — говорит, — до шести килограммов теряет от переживаний. Посмотрим, что у нас получится».

Ну, солдатам, конечно, с весами еще интереснее — лишнее развлечение как-никак... Взвесил доктор всех нас перед занятиями, и потом, как пройдет танк под водой, как выберется механик-водитель из люка, так его сразу на весы. И что вы думаете — некоторые по килограмму, а кто даже и больше терял! При чем любопытная вещь: те из солдат, кто боялся, нервничал, кто вел танк неровно, те и в весе теряли больше.

И вот наконец подошла очередь Смирнова. Танк он провел нормально, спокойно, одним словом, как всегда. «А ну-ка, Смирнов, взвешиваться!» — говорит

ему доктор. А солдаты смеются. «Да что ему взвешиваться! — острят. — Он, наверно, только потолстел! Он у нас непробиваемый!» Встал Смирнов все-таки на весы, доктор двигает гирьки туда-сюда... «Что такое? — говорит. — Не может быть! Трех килограммов как не бывало!»

— Ого! — не выдержал Мишка Матвейчик. — Трех килограммов!

— Да. Трех килограммов. Доктор не поверил глазам, посмотрел еще раз в тетрадку, где у него прежний вес Смирнова был записан. Нет, все точно — трех килограммов не хватает. Еще раз взвесил Смирнова, так и есть: три килограмма! Мы все, конечно, рты пораскрывали, а Смирнов смутился, вроде бы даже виноватым себя почувствовал, что не оправдал наших надежд. Шутка ли, потерять три килограмма за каких-нибудь пятнадцать минут! И тут мы только поняли — вот как давалась, вот чего, оказывается, стоила Смирнову его выдержка, его удивительное спокойствие!..

— Что же, выходит, он трус был? — крикнул Ленка Корпачев.

— Сам ты трус! — обиделся за своего однофамильца наш Смирнов.

— Эх ты, ничего не понял! — тут же ввязалась в спор Элька Лисицына. — Какой же он трус?

Почему он рассказал сегодня именно эту историю, думал я. Может быть, был в ней какой-то скрытый смысл, предназначенный только мне? Или мне это казалось?

— А по-моему, — сказал отец, когда ребята немного поутихли, — так у Смирнова был настоящий характер. Потому что ведь давно известно: настоящий характер не у того, кто не испытывает страха, а у того, кто умеет этот страх преодолеть, кто умеет с ним справиться...

От кого-то совсем недавно я уже слышал похожие слова. Ну да, это же подполковник Евстигнеев говорил мне про настоящий характер, когда мы ехали с ним в газике...

Ребята опять загалдели:

— Константин Павлович, расскажите еще что-нибудь!

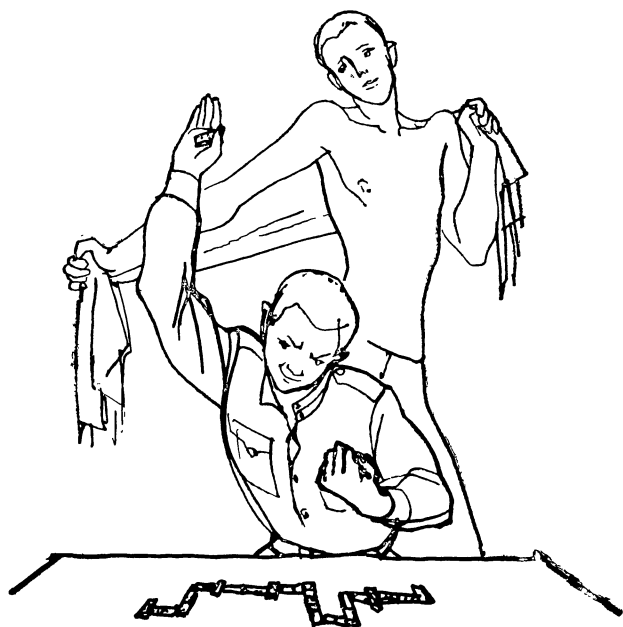
— Константин Павлович, а дальше со Смирновым что было?

— А танки плавать могут?

— А вас доктор тоже взвешивал?

Все шумнее, все веселее становилось в классе. Наши ребята, если разойдутся — их не так-то скоро утихомиришь!

И мне тоже вдруг стало легко и весело. И вовсе не оттого, что я вдруг понял что-то, докопался до чего-то такого, чего не понимал раньше. Нет, не от этого. А просто так. Правда, Анна Сергеевна всегда говорит нам, что «просто так» ничего не бывает, но вот бывает же! Бывает!



ШУТКА

Рассказ

Это лицо появилось на экране всего лишь на несколько секунд. Человек обернулся, и сразу же его заслонили другие люди, но в то же мгновение Виктор узнал его.

Шел документальный фильм о полете в космос. Оранжевый автобус вез космонавтов к стартовой площадке. И в автобусе, чуть позади них, там, где обычно сидят дублеры, Виктор увидел этого человека. Сначала он только удивился, даже вздрогнул от неожиданности.

«Вот черт! Неужели?»

Потом, сидя в темном душном кинозале, сжимая пальцами подлокотник кресла, он долго еще не мог опомниться от неприятного изумления.

«Нет, — говорил он себе, — этого не может быть. Это, конечно, не он. Я просто ошибся. Конечно же, это не он...»

Виктор старался успокоить, уговорить себя, но само он прекрасно знал, что не мог ошибиться — слишком долго они жили в одной казарме и спали на соседних койках, не мог он спутать этого человека ни с кем другим...



Они спали на соседних койках, и у них была общая тумбочка — одна на двоих. И если утром Виктор запаривался и едва успевал подшить подворотничок и заправить койку, он всегда мог попросить Глеба, чтобы тот почистил ему пуговицы на гимнастерке, а если опаздывал Глеб, он точно так же мог рассчитывать на Виктора. Но все-таки они тогда были только соседями по койкам и не больше, хотя во взводе все считали их друзьями.

Оба они, и Виктор и Глеб, служили в учебной роте электромехаников-дизелистов, и Виктору совсем не нравилась его новая специальность. Вообще службу в армии он представлял себе по-другому: маневры, атаки, мощное «ура», грохот танков, дымовая завеса, парашютные десанты, а тут приходилось, совсем как в школе, сидеть по восемь часов на занятиях и получать отметки, а потом дежурить на маленькой передвижной электростанции, следить, чтобы не падало напряжение, да вовремя смазывать двигатель — вот и вся забота.

В нескольких километрах от их части размещалась школа младших авиаспециалистов, и по ночам оттуда докатывался грохот прогреваемых моторов — даже смягченный расстоянием, он заставлял басовито дрожать и позванивать оконные стекла в казарме. Как-то будущие авиамеханики пригласили своих соседей к себе в гости, на экскурсию, и тогда Виктор впервые увидел вблизи реактивные истребители. Они стояли возле огромного ангара, намертво пришвартованные стальными тросами к бетонным плитам. Когда запу-

скались двигатели, по телам истребителей пробегала нетерпеливая дрожь, вокруг стоял грохот, горячий ветер взметал пыль, и казалось, самолеты вот-вот оторвутся от земли. Но им уже никогда больше не суждено было подняться в небо: это были учебные истребители, на них авиамеханики обучались своему делу.

Иногда ночью у себя в казарме Виктор просыпался и прислушивался к отдаленному тревожному гулу. А однажды он увидел, что Глеб тоже не спит и слушает. Они переглянулись, посмотрели друг на друга так, словно у них с этого момента появилась общая тайна.

На другой день Виктор впервые по-настоящему разговорился с Глебом, и Глеб рассказал, что давно уже мечтает стать летчиком-испытателем. А Виктор признался, что тоже не раз подумывал об этом, но один как-то не мог решиться, а уж вместе-то, конечно, вместе другое дело, вместе веселее...

Они проговорили в этот вечер до самого отбоя, они обсуждали, как будут вместе готовиться к экзаменам и как будут вместе тренироваться: «У летчиков должна быть железная воля и железная выносливость, теперь знаешь, как на это смотрят!» — и вспоминали всякие случаи из жизни летчиков-испытателей...

Обычно, как и все солдаты, Виктор засыпал моментально, стоило только прикоснуться щекой к подушке, но в этот вечер он долго не мог уснуть: он уже видел себя в кабине сверхзвукового самолета, представлял, как, волнуясь, следят за ним с земли, представлял, как идет он по аэродрому усталый и сосредоточенный — человек, привыкший к риску и трудной работе...

Еще через день Глеб составил план занятий и тренировок — он всегда все делал обстоятельно, и эта его обстоятельность уже в то время раздражала Виктора, но поссорились они в первый раз все-таки не тогда, а значительно позже. А сначала, пока стояла сухая и ясная осенняя погода, они вместе с Глебом бегали вокруг казармы, и прыгали через скакалку, и занимались на брусках и перекладине. А по вечерам, перед отбоем, они по-прежнему уединялись где-нибудь в углу казармы, возле пирамиды, и говорили, говорили о будущей своей жизни... И уже сами эти разговоры радовали Виктора, волновали и будоражили...

И все-таки они поссорились. Поссорились глупо, из-за пустяка.

В этот день Виктор очень устал на занятиях, и у него не было никакого желания браться за учебник алгебры или идти тренироваться на перекладине, ему хотелось просто отдохнуть, как отдыхали остальные солдаты, немного отдохнуть, только и всего... Он ходил и потряхивал, гремел коробкой с шашками, приглашая кого-нибудь сразиться. Но желающих не было. И как раз в этот момент на пороге комнаты политпросветработы появился Глеб. Он уже успел переодеться в синий, давно выцветший тренировочный костюм и теперь искал глазами Виктора.

— Глеб! — весело крикнул Виктор. — Садись, сыграем!

— Нет, — сказал Глеб, — мы же...

— Разок только, — перебил его Виктор, — один раз сыграем и пойдем. Ну давай!

Он упрасивал Глеба, тянул его за рукав к столу, но тот упорно твердил свое «нет».

— Подумаешь! Мастер спорта! — обидчиво сказал Виктор.

У него сразу испортилось настроение. Получалось, вроде бы у Глеба есть сила воли, а у него — нет... Но в конце концов, имел же он право хоть один вечер отдохнуть нормально!

Потом, уже позже, после отбоя, когда они лежали на своих койках, Виктор сказал шепотом Глебу:

— Никогда не надо становиться рабом своих принципов. Понял?

— Советую это изречение срочно записать в твою копилку мудрости, — так же шепотом ответил Глеб.

Он еще насмеялся! Он намекал на тетрадь, в которую Виктор выписывал всякие понравившиеся ему мысли из прочитанных книг. Как-то он дал эту тетрадь почитать Глебу, дал по секрету, только ему одному, вовсе не для того, чтобы тот теперь острил и издевался...

Виктор обиделся и закрыл глаза, сделал вид, что спит. Но на самом деле он лежал и думал, что бы такое поязвительнее ответить. Но ничего так и не смог придумать. И сам не заметил, как заснул.

На следующий день в личное время солдата он

опять не пошел тренироваться — сел играть в домино. Назло Глебу.

А потом начались дни один тяжелее другого. К вечеру Виктору хотелось лишь добраться до табуретки и посидеть спокойно, вытянув ноги, чувствуя, как отдыхает все тело. Какие уж тут тренировки...

Только Глеб по-прежнему вечерами переодевался в своей выцветший костюм и вертелся на перекладине и прыгал через скакалку. Виктору казалось даже, что делает он это нарочно, чтобы позлить его. Попрыгав так с полчаса, Глеб возвращался в казарму, шел в умывальник, раздевался до пояса, мылся, с наслаждением растирался полотенцем и потом, если оставалось время, садился читать. Маленький, худощавый, с мокрым, взъерошенным ежиком на голове, в такие минуты со стороны он выглядел довольно потешно...

А Виктор играл в домино и философствовал:

— Я еще со школы не переносу таких, которые до всего задним местом доходят, высиживают. Я, бывало, в школе на уроках все на лету схватывал, никогда даже в учебники не заглядывал. Я лично так считаю: если у человека есть способности, так уж есть, а нет — так нет, тут уж ничего не поделаешь...

— Верно, верно ты говоришь, — отвечал его постоянный партнер Саша Лисицын, — только зачем ты, скажи на милость, все «азики» ставишь, не видишь, что ли, что я на «азиках» еду?..

...Подошла к концу осень, выпал первый снег, и Глебу из дома прислали багажом лыжи, набор лыжных мазей и даже самый настоящий спортивный секундомер. Лыжи были красные с голубым, не то финские, не то польские, конечно, во всем полку ни у кого больше не было таких лыж.

«Чемпиона из себя изображает, — думал Виктор, — мало ему лыж в полку...»

Теперь Глеб больше не прыгал через скакалку, не вертелся на перекладине, а по вечерам, отпросившись у сержанта, брал свои красно-голубые лыжи, брал свой пижонский секундомер и уходил из казармы. Возвращался он чаще всего недовольный и делал у себя в блокноте какие-то пометки, записывал какие-то цифры...

И этот блокнот, и секундомер особенно раздражали Виктора, и он обрадовался, когда на полковых соревнованиях Глеб занял только пятое место. И хотя Глеб старался не показывать, что расстроен, от Виктора скрыть это было не так-то просто: он ясно видел, как вытянулось от огорчения лицо Глеба.

Разговаривали они теперь все реже.

Но по ночам Виктор по-прежнему просыпался от далекого грохотанья двигателей и ругал себя за безволие, и утешал себя тем, что человек он со способностями, стоит ему только взяться, и все будет в полном порядке, и давал себе слово приняться за тренировки и занятия со следующего понедельника, обязательно, во что бы то ни стало, непременно со следующего понедельника...

Но наступал понедельник, и еще один, и еще, а ничего не менялось.

И вот как-то в воскресенье случилось неожиданное происшествие.

Утром, после завтрака, Глеб, как обычно, взял лыжи и ушел на тренировку. Вернулся он только к вечеру. Он был весь в снегу, и лицо у него было тоже белое как снег. Морщась, он опустил на табуретку и вытянул правую ногу. Солдаты сразу окружили его, но он ничего не мог толком объяснить. Просто он сам не понимал, откуда вдруг возникла эта резкая боль в бедре.

Виктор помог ему дойти до санчасти.

— Допрыгался, — ворчал он, — все в чемпионы небось метишь?

— Плох тот спортсмен, который не мечтает стать чемпионом, — добродушно ответил Глеб, — так, кажется, написано в твоей тетради? ..



Глеба выписали из санчасти через шесть дней. А еще через неделю разрешили ходить на лыжах.

— Только, разумеется, осторожно, — сказал врач. — Никаких тренировок и соревнований. Пока только прогулки. Иначе это может кончиться для вас очень печально. Понимаете?

— Да, понимаю, — серьезно ответил Глеб.

За ту неделю, пока пустовала койка Глеба, Виктор уже успел соскучиться по нему, вся его злость как-то незаметно выветрилась, и, когда Глеб вернулся в казарму, он искренне обрадовался.

В следующее воскресенье они вдвоем отправились на лыжах в тайгу, к зимовью. До зимовья было километров десять, и именно здесь обычно тренировался Глеб. За последние дни снега почти не было, лыжню, проложенную Глебом, лишь слегка припорошило.

Стояла пасмурная погода, в лесу было светло и тихо. И чем дальше они уходили по просеке в тайгу, тем сильнее захватывало Виктора ощущение свободы и беспредельности — такое он испытывал раньше только в море, когда заплывал далеко от берега. Вокруг были лишь вода и небо, и плылось так легко, словно море само несло тебя...

Виктор увлекся и не заметил, как оторвался от Глеба, ушел далеко вперед.

— Ну, нажимай! — крикнул он. — Чего ты там?

Глеб по-прежнему шел неторопливым, размеренным шагом.

— Нельзя, — серьезно сказал он. — Врач запретил. Ты же знаешь.

— Врач, врач... Ты больше врачей слушай! Они наговорят! Ну, давай догоняй!

Но Глеб упорно не ускорял шага.

И вдруг вся прежняя злость, все раздражение разом вспыхнули в Викторе. А он-то еще пошел сегодня вдвоем с Глебом специально, чтобы снова поговорить о лётной школе, об их общих планах!

«Вот черт, до чего же трясется над собой! Врач не разрешил. Врач не советовал. Только о себе и думает».

Больше он не оборачивался. Он добежал до зимовья, вошел в небольшую нетопленную, давно покинутую людьми избушку и здесь решил дожидаться Глеба. В крошечном, наглухо замерзшем оконце он дышал глазок и тогда увидел далеко среди деревьев маленькую фигуру, медленно продвигавшуюся по просеке.

И вот тут-то и пришла ему в голову эта дурацкая мысль: разыграть Глеба. Вернее, в тот момент она

вовсе не казалась ему дурацкой. Наоборот, она представлялась ему ужасно остроумной, оригинальной, забавной — вот смеху-то потом будет!

Дальше все произошло очень быстро.

Когда Глеб вошел в избу, Виктор уже лежал на лавке, неловко скорчившись, и стонал. Отвернувшись к стене, он кусал губы, чтобы не рассмеяться раньше времени. При этом он то вытягивал ноги, то поджимал их к самому животу, потом начинал шарить рукой по бревнам стены, вдруг приподнимал голову и снова опускался на лавку.

— Что с тобой? — испуганно бросился к нему Глеб. — Витька, что с тобой?

Виктор пробормотал что-то нечленораздельное. Теперь он обхватил руками живот и тихо постанывал.

— Витька, да подожди... Да что с тобой? — повторял Глеб. — Вить, ну поднимись, слышишь?..

Виктор не отвечал и только мотал головой. Недаром еще в школе он считался первым мастером симуляции — ему ничего не стоило избавиться от любой контрольной.

— Вить, что же делать, а, Вить?

Глеб попробовал поднять его, но — куда там! — Виктор был и выше и тяжелее; самое бóльшее — Глеб мог бы протащить его на себе шагов пять, от силы десять...

Чуть приоткрыв глаза, Виктор наблюдал за Глебом. Тот в нерешительности стоял посреди избы.

— Вить, ну потерпи немного, — повторял он, — потерпишь, ладно?

Потом он вдруг кинулся к двери. Виктор слышал, как тяжело бухнула наружная дверь, почувствовал, как морозный воздух ворвался в избу.

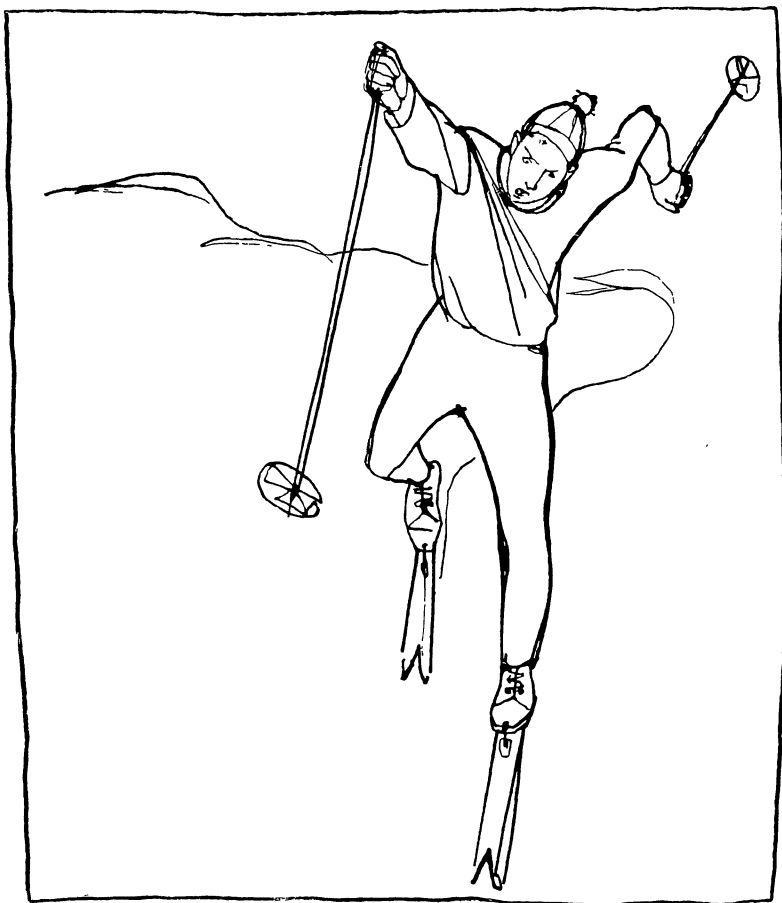
Он полежал еще немного, потом осторожно встал и на цыпочках подошел к окну.

Возле избы Глеба не было.

Виктор выскочил на крыльцо и тогда уже в отдалении увидел мелькающую среди деревьев фигуру Глеба. Тот всю работу палками и бежал не оглядываясь, как на соревнованиях.

— Глеб! — крикнул Виктор. — Глеб! Подожди!

Ему стало не по себе. Он совсем не хотел, чтобы эта шутка, этот розыгрыш заходил так далеко.



— Глеб! — крикнул он еще раз. — Глеб!
Но Глеб не слышал.

Еще несколько секунд Виктор видел, как то появляется, то скрывается за деревьями темная фигурка, потом она исчезла совсем.

«Ладно, аллах с ним, пусть пробежится. Хуже не будет, — сказал себе Виктор, стараясь подавить беспокойство, и стал не торопясь надевать лыжи. — Кто ж его знал, что он сорвется, как бешеный...»

Он надел лыжи и не спеша пошел назад к казарме по той самой лыжне, по которой только что пробежал Глеб.

Виктор не успел пройти еще и четырех километров, когда услышал впереди урчание автомобильного мотора и сразу вслед за этим увидел зеленую санитарную машину, неуклюже переваливающуюся с боку на бок. Он сразу узнал ее, потому что это была единственная санитарная машина в их части, на ней обычно отвозили больных в госпиталь. Машина остановилась, и из нее выскочил фельдшер — ефрейтор Паша Громов.

— Красильников, что это с тобой?

— Да вот... — неуверенно сказал Виктор, — приступ какой-то был... Сейчас полегчало...

— Ну ладно, садись в машину, — облегченно вздохнул фельдшер, — а то мы уже перепугались... То один, то другой...

— Я и сам перетрухал, — уже смелее сказал Виктор, — знаешь, какая боль!

Он подумал, что потом, когда-нибудь позже, обязательно расскажет ребятам, как ловко разыграл Глеба, вот все обхохочутся!

— А друг твой опять в санчасти... — неожиданно сказал фельдшер. — Добегался. Плохо ему.

— Да брось! — сказал Виктор.

Ему вдруг пришла в голову нелепая мысль: может быть, Глеб каким-то образом догадался о розыгрыше и теперь в свою очередь в отместку решил разыграть его, Виктора.

— Брось, — повторил он. — Не может быть.

— Чего не может быть, — равнодушно отозвался фельдшер, — сам увидишь...

...Потом Виктора осматривал врач, мямлил ему живот, задавал какие-то вопросы, и Виктор машинально отвечал на них, а сам все время думал о Глебе.

— Вероятно, приступ аппендицита — доносились до него слова врача. — Если повторится еще раз, придется оперировать. А пока вы свободны. Идите благодарите своего товарища.

У входа в палату Виктор в нерешительности остановился. Он со страхом представил себе, как увидит побледневшее, с запавшими глазами лицо Глеба...

Но Глеб выглядел как обычно, казалось даже, что он просто по ошибке попал сюда, на больничную койку.

— Ну что, все в порядке? — спросил он. — Жив?

— Жив... — сказал Виктор, отводя глаза. — Врач говорит, приступ аппендицита...

— А я знаешь, как бежал! — сказал Глеб. — Знаешь, как бежал! Здорово ты меня напугал — на тебе ведь лица не было...

Виктор молчал.

— Послушай, Вить, ты можешь взять мои лыжи...

— Да брось ты! — сказал Виктор. — Будешь еще бегать как миленький!

— Не знаю, — серьезно ответил Глеб. — Врач говорит, что пока ничего неизвестно. Так что, пожалуй, это была моя последняя дистанция, — добавил он, усмехнувшись, — жаль только время я не засек — наверняка рекорд пропал...

«Я должен сказать ему правду, — подумал Виктор. — Только не сейчас. Не сегодня. В следующий раз».

Но и в следующий раз, и через следующий, и через-через следующий Виктор так и не мог решиться рассказать Глебу о своей шутке.

А вскоре пришел приказ: Виктора и еще нескольких человек из роты переводили служить в другую часть.

Утром в день отъезда Виктор зашел к Глебу проститься.

— Не забывай, — сказал Глеб. — Обязательно напиши. Что и как.

— Ладно. Напишу, — сказал Виктор. — Ясное дело, напишу.

С тех пор он больше не видел Глеба.



И вот теперь, несколько лет спустя, когда он уже стал совсем забывать всю эту историю, на экране маленького кинотеатра вдруг промелькнуло знакомое лицо.

«Нет, — говорил он себе. — Наверняка я ошибся. Это не может быть Глеб. Конечно же, я ошибся».

Но память уже работала помимо его воли, и он

вспоминал те давние вечерние разговоры и намертво пришвартованные к бетону истребители, которым уже не суждено было взлететь в небо, и грохот моторов и чувствовал, как тоска по несбывшейся мечте становится все сильнее и сильнее...

«Да что это я, — снова говорил он себе. — У меня же и работа хорошая. И зарплата приличная. И всем я доволен. И жалеть мне совершенно не о чем...»

К вечеру он уже совсем успокоился, но ночью все-таки неожиданно проснулся и долго лежал, прислушиваясь, и ему казалось, что вот сейчас он опять услышит далекое грохотанье реактивных двигателей...



НА СТРЕЛЬБАХ

Рассказ

Стрельбы были в самом разгаре — одна за другой выходили на огневой рубеж очередные смены, гремели автоматные выстрелы, появлялись и исчезали мишени, когда на дороге, ведущей к стрельбищу, сначала возникло облачко пыли, а затем стал виден юркий армейский газик. У этого газика не было никаких особых, отличительных примет, но все офицеры узнавали его еще издали, как издали узнают человека по походке. И хотя лейтенант Ковалевский служил в части всего первый год, он тоже давно уже научился отличать машину командира дивизии от любой другой.

Лейтенант заволновался, потому что как раз приближалась очередь стрелять его взводу. Он быстренько смахнул пыль с начищенных до блеска хромовых сапог, затем выстроил взвод и торопливо еще раз, на всякий случай, проверил, все ли в порядке.

Все было в порядке.

— Главное, не забывайте правильно докладывать, — напомнил он, но солдаты уже смотрели мимо него, и, даже не оборачиваясь, лейтенант понял, что командир дивизии подъехал и теперь направляется сюда.

Генерал, высокий и грузный, шел широким размашистым шагом и на ходу что-то объяснял руководителю стрельб.

— Взвод! Смирно! — весь напрягаясь, командовал лейтенант и лихо вскинул руку к козырьку. В эту минуту он как бы смотрел на себя со стороны и очень нравился самому себе — молодой, энергичный, подтянутый командир!

Генерал махнул рукой:

— Вольно. Ну, как настроение, товарищи?

— Бодрое, товарищ генерал! — не стройно, но весело откликнулись солдаты.

— Автоматы пристреляны?

— Так точно, товарищ генерал!

— Значит, не подведете?

— Никак нет, товарищ генерал!

— Ну, смотрите. Кто отстреляется лучше всех — поедет в отпуск. Ясно?

— Так точно, товарищ генерал! — радостно гаркнули солдаты.

Все сразу задвигались, оживились, заулыбались.

И лейтенант Ковалевский тоже улыбался, вытягиваясь перед генералом.

«Всё, — думал он, — провалимся, наверняка провалимся... Солдаты и так нервничали перед стрельбами, а теперь уж совсем...»

Как только генерал отошел и Ковалевский распустил строй, солдаты зашумели, возбужденно заговорили, перебивая друг друга. Все окружили Андрея Ануфриева — отличника огневой подготовки, лучшего стрелка роты — и хлопали его по плечам, и смотрели на него с откровенной завистью: вот повезло человеку, поедет в отпуск, как пить дать, поедет... А широкоплечий, круглолицый Ануфриев вытирал пилоткой потный лоб и улыбался растерянной улыбкой, словно борец, неожиданно одержавший победу в трудном поединке и еще до конца не осознавший этого...



Лейтенант не ошибся. Взвод стрелял хуже обычного.

Один за другим солдаты выходили на огневой рубеж, торопливо натягивали резиновые маски противогазов, целились, стреляли по возникающим из-под земли мишеням, бежали вперед, ложились, снова стреляли, но даже отсюда, издали, было видно, как суетливы и неточны их движения.

Это было так отчетливо, так явно заметно, что лейтенант еле удерживался, чтобы не крикнуть: «Да спокойнее! Спокойнее же!»

Все-таки каждому солдату перед выходом на огневой рубеж он негромко напоминал:

— Не волнуйтесь... Главное — не волнуйтесь...

И солдаты в ответ понятиливо кивали: мол, ясное дело, знаем сами, но, видно, тут же забывали об этом. Наверняка каждый из них втайне надеялся заработать отпуск, и эта надежда будоражила и не давала успокоиться...

Наконец наступила очередь Ануфриева.

— Держись, Андрей! Позади Москва — отступать некуда! — крикнул кто-то.

И Ануфриев в ответ улыбнулся отсутствующей улыбкой. Он тоже заметно волновался. Даже с противогазом возился дольше, чем всегда, словно это было ужасно сложное дело — надеть маску.

И целился очень долго. Так долго, что мишень исчезла, а выстрела все не было.

Ковалевский почувствовал, как у него вспотели ладони.

Сколько раз он твердил им: не цельтесь долго! Чем дольше целишься, тем неувереннее себя чувствуешь. Нельзя целиться долго. Это же каждый солдат-первогодок знает.

Ануфриев, видно, испугался, что снова упустит момент, и теперь поторопился: нажал спусковой крючок сразу, как только показалась мишень.

Мимо!

«Что он делает! Что он делает!» — лейтенант отвернулся, он больше не мог вынести этого.

Когда он снова взглянул на Ануфриева, тот, уже лежа, стрелял по бегущим мишеням.

Очередь!

Мимо!

Очередь!

Мимо!

Это был провал.

Крах. Позор.

И виноват в этом позоре был генерал. Только он один. Не пообещай он отпуск, и все было бы нормально. И нужно же было ему появиться! Все, все испортил!

И оттого, что он был вынужден молчать, что не мог сию же минуту прямо высказать все свое возмущение, лейтенант нервничал и раздражался еще больше. Он даже не сердился сейчас на Ануфриева, он испытывал что-то вроде горького удовлетворения оттого, что оказался прав в своих самых худших предположениях.

И его даже не утешило, когда под конец трое солдат отстрелялись на отлично.

Одному из них — веселому, дурашливому Геннадию Башмакову — генерал и объявил тут же, прямо на стрельбище, краткосрочный отпуск. Вообще Башмаков и раньше стрелял неплохо, но не сравнивать же его с Ануфриевым!

Это была такая несправедливость, что лейтенант не выдержал.

— Товарищ генерал, — сказал он срывающимся от волнения голосом, — разрешите рядовому Ануфриеву сделать вторую попытку...

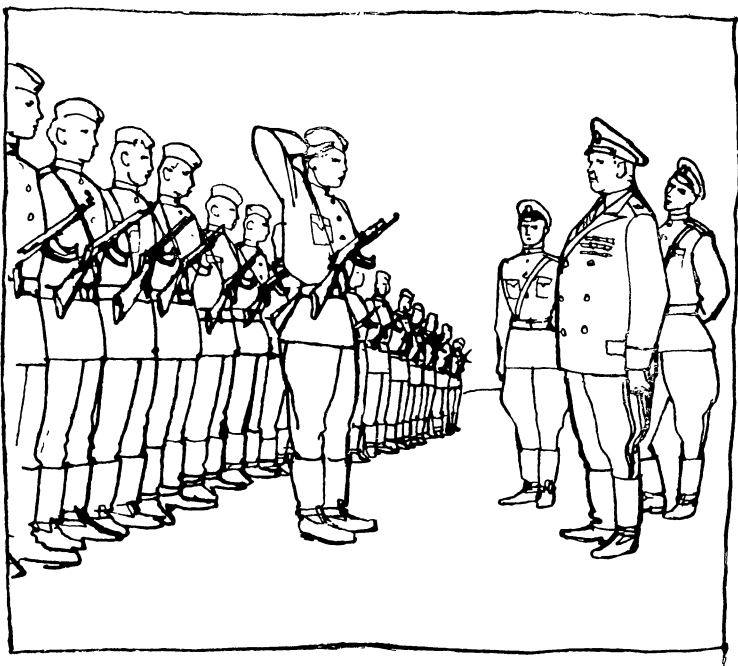
— Это отчего же ему такая привилегия?

— Он наш лучший стрелок, товарищ генерал... Никогда с ним такого не было... Это какая-то случайность... — торопясь, сбивчиво говорил лейтенант. — Он...

— Все ясно, — сказал генерал. — Нет, не разрешаю. Не могу разрешить. А Башмаков ваш все-таки молодец...

Он повернулся и пошел к пункту управления стрельбой.

А Ковалевский молча выразительно посмотрел на обиженного, растерянного Ануфриева, — мол, видите



сами, я все сделал, чтобы исправить несправедливость. И не моя вина, что ничего не вышло...



Спустя час генерал собрал офицеров для разбора результатов стрельб.

Лейтенант Ковалевский плохо слушал, о чем говорили офицеры. Его занимала только одна мысль: выступать или нет?

Скорей всего, он так бы и не набрался смелости, если бы не генерал.

— Говорите, товарищи, откровенно, не смущайтесь, — сказал командир дивизии, — а то, я вижу, лейтенант Ковалевский чем-то недоволен, а молчит.

— Никак нет, товарищ генерал, — пробормотал Ковалевский.

— Я же вижу, — уже начиная сердиться, повторил генерал. — Говорите. Я жду.

Все офицеры смотрели на Ковалевского. И тогда Ковалевский решил.

— Товарищ генерал, — краснея, сказал он, — я считаю... То есть мне кажется... Не стоило говорить солдатам об отпуске перед стрельбами... Солдаты переположились... В результате стреляли хуже обычного. Мне кажется... По-моему... — Он совсем смутился и замолчал.

Генерал выслушал его, едва заметно кивая головой. И было непонятно, то ли он соглашается, то ли просто успокаивает себя, сдерживает, чтобы не вспылить, не взорваться раньше времени.

— У вас все? — наконец сказал он. — Ну что ж... Вы, конечно, думаете: вот приехал генерал, бухнул что-то, не подумав, не разобравшись как следует, все сбил, все испортил, а нам теперь расхлебывать... — Генерал усмехнулся и посмотрел на Ковалевского. — А я это сделал специально. Умышленно. Зачем? Сейчас я расскажу вам один случай из своей жизни, может быть, вы поймете... Это было в сорок первом году. На третий или четвертый день войны. Мы вели оборонительные бои. Моим соседом по окопу был, как сейчас помню, красноармеец Горбунов — хороший стрелок, между прочим, не хуже, наверно, вашего Ануфриева. Утром немцы начали атаку. Шли в полный рост, почти не таясь. И близко уже — рукой подать. Надо стрелять, а я вижу: Горбунов винтовку перезарядить не может. Бьет его нервная дрожь, руки трясутся. Никак обойму на место не вставит. И я, знаете, — это как гипноз какой-то — смотрю на его руки и оторваться не могу. Только отвернусь, а меня снова взглянуть тянет... На всю жизнь запомнил я эти минуты...

Генерал помолчал.

— Настоящий солдат должен не только хорошо стрелять, — сказал он. — Он должен еще владеть собой. Владеть своими нервами. Еще неизвестно, что важнее... Разве вы не согласны со мной, лейтенант?..

СОДЕРЖАНИЕ

Мужское воспитание. <i>Повесть</i>	3
Экзамен, которому нет конца. <i>Повесть</i>	49
Шутка. <i>Рассказ</i>	101
На стрельбах. <i>Рассказ</i>	113

К читателям

*Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6.
Дом детской книги издательства
«Детская литература».*

**Для старшего
и среднего возраста**

**Никольский Борис Николаевич
МУЖСКОЕ ВОСПИТАНИЕ**

Ответственный редактор И. М. И в а н о в с к и й. Художественный редактор В. В. К у п р и я н о в. Технический редактор З. П. К о р е н ю к. Корректоры К. Д. Н е м к о в с к а я и Л. К. М а л я в к о. Подписано к набору 11/VI 1970 г. Подписано к печати 27/VIII 1970 г. Формат $84 \times 108^{1/32}$. Бум. м/мел. Печ. л. 3,75. Усл. печ. л. 6,3. Уч.-изд. л. 5,92. Тираж 50 000 экз. ТП 1970 № 325. М-48041. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6. Заказ № 811. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7. Цена 29 коп.

29 коп